

М. С.-Г. Албогачиева

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РОССИЙСКОЙ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
И ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ
ИНГУШСКОГО ОБЩЕСТВА (XIX—XXI вв.)**

Введение

Присоединение народов Северного Кавказа со сложными социальными отношениями традиционного общества вынуждало российскую власть искать приемлемые формы государственно-правового регулирования местным обществом. Законодатели понимали, что правовая множественность является результатом длительного цивилизационного развития этносов, населяющих огромную державу, где большинство народов находилось на различных уровнях социального, экономического, культурного, политического развития и в целом исторического развития. Управление огромными колониями со всей их пестротой вековых традиций и обычного права было бы невозможным без отступления от правового монизма. Это подводило к идее сосуществования двух или нескольких правопорядков, прежде всего из прагматических соображений [Ковлер]. В начале XIX в. это выразилось в становлении феномена правового плюрализма — государственной легитимации традиционных правовых практик (адата и шариата), их использования в регулировании отношений в национальной среде параллельно с правом России, менявшимся в условиях трансформации ее государственных институтов [Мисроков 2002: 3].

На протяжении всего периода функционирования полиюридизма эта система постоянно изменялась, дополнялась и в таком виде просуществовала до 1917 г. В последующие годы изменения происходили в соответствии с судебно-правовыми практиками Советского государства, в которых в той или иной степени уделялось внимание сохранявшимся в пережиточной форме таким явлениям, как кровная месть, многоженство, умыкание девушек, солидарность членов родового союза и т. д. Последние до сих пор еще не изжиты в ингушском обществе в полной мере, несмотря на негативное отношение к ним значи-

тельной части граждан современного общества. По этой причине для более полного освещения указанных явлений и процессов мы попытались в своей работе соотнести результаты собственных полевых исследований с материалами письменных источников, где с той или иной степенью полноты раскрыты причины продолжительного бытования в ингушском обществе указанных явлений.

Материал расположен в хронологическом порядке — от принятия российского подданства в XVIII в. до настоящего времени. Это позволяет рассматривать судебно-правовые преобразования и традиционные общественные институты в динамике сосуществования. Я постараюсь показать связь между этими событиями и процессами и современным положением рассматриваемых явлений. Будут также изложены сведения о деятельности примирительной комиссии, которая более десяти лет проводит в Республике Ингушетии активную деятельность по урегулированию различных конфликтов.

Правовые основы традиционной социальной жизни ингушей

С глубокой древности жизнь ингушей регулировалась обычным правом, которое объединяло законодательную и судебную власть, а также подразумевало соблюдение традиций и обычаев. Заметная роль в этом отводилась старейшинам родов, пользовавшимся большим уважением. Общественные дела решали голосованием на общих собраниях [Städer 1797: 55].

В начале XIX в. Юлиус фон Клапрот писал, что ингуши «имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды, и все у них решается по древним обычаям» [Клапрот 1814: 74]. И. Бларамберг тогда же заметил, что «старейшины, наиболее прославившиеся своей удачливостью (богатством) или своєю многочисленной родней, поддерживают единодушие в обществе (в общине). Кстати, их влияние на людей более значительно в долине, чем в горах, где всеобщая бедность сама собою поддерживает равноправие <...> Главы родов у них не обладают реальной властью, красноречие и уверенность — это единственное, что может иметь влияние над ними. Законы и повиновение им неведомы, все у них решается в соответствии с древними обычаями» [Бларамберг 1992: 216].

Схожие сведения, относящиеся уже ко второй половине XIX в., имеются и в работе Ч. Ахриева, который отмечал, что «жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению людей и передавали им право судить и производить расправу» [Ахриев 1875: 4]. Он также писал, что

выборные лица свое окончательное решение не могли выносить без согласия старейших членов общества.

Управление сельским обществом осуществлялось советом старейшин, который назывался *пхье*. Во всех населенных пунктах имелось определенное место схода, которое называлось *пхегла*, представлявшее собой площадку, наиболее удобную для собраний.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе *кхел*, на котором должны были присутствовать все мужчины каждой семьи. Но с введением «Положения о сельском управлении» в 1860-е гг. на заседании присутствовал только один представитель «от двора». Сельский сход — *юрт кхел* регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос об устройстве дорог, мостов, каналов и пр. [Великая, Виноградов и др. 1990: 61].

Для решения насущных проблем общества созывался Совет страны — *Мехк-кхел*. На нем рассматривали «вопросы, касающиеся различных областей жизни традиционного общества, межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, ссорах из-за имущества. Дела о воровстве разбирались также на общественных сходах. На Совете старшины решали дела, связанные с землевладением и землепользованием, определяли меру наказания за различного рода нарушения норм общественной жизни, устанавливали цены на определенные товары, скот. Они решали также вопросы укрепления поселений, взаимоотношений с соседними обществами, войны и мира, проводили сбор средств для общественных нужд и т. д.» [Мужухоева 1982: 68—69].

Для участия в заседании Совета страны — *Мехк-кхел* созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельских обществ (кроме рабов). Очень подробное описание заседания Совета страны имеется в рукописи П. Г. Буткова, относящейся к началу XIX в. Он сообщает, что возглавляет Совет страны всенародно избранный старик, которого именуют *бегол*. На его содержание каждый двор в год выделял одного барана и короб меда, в праздники ему приносили брагу и мясо.

Он из сих доходов своих угощает других стариков, а три раза в год должен угощать все общество. Общество нанимает еще на год, так сказать, вестника, который каждого дня утром и вечером является к беголу на случай каких-либо его приказаний и за то получает с каждого дома проса по одной мерке, почти равняющейся на вес пуду.

Когда представляется надобность в общенародном собрании (или в случае тревоги, или в других вопросах), бегол объявляет вестнику для созыва скакать верхом по всем деревням и на сборном каждом месте <...> криком возвещать, чтоб все в такое-то время в собрание явились.

В собрание является обыкновенно один человек из семейства, старик или молодой, кто случится дома; всякий вооружен. Впереди садятся на запад, поджав ноги, старики одной деревни, плотно один к другому; к ним таким же образом примыкают старики других деревень — и составляетя круг; а позади стариков сидят молодые тех же селений, и делится круг по мере количества народа, стекшегося в собрание, вдоль и три ряда. Каждый человек держит перед собою заряженное ружье [Бутков 2001: 12].

Для заседаний *Мехк кхел* существовали сборные места [Саидов 1964: 124—125], на которых собирались «представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (*Муйты-кер*). Со стороны Аккинско-го общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей, а имя его было *Муйты*» [Иванов 1904: 49]. «Известны и другие сборные места — в ущелье реки Ассы аул *Угу-Кал*, а в ущелье реки Галми аул *Онгушта*. В первом происходили сборы в случае внешней опасности с юга — со стороны Грузии и с востока — со стороны Чечни, а во втором — в случае такой же опасности с северо-запада со стороны кабардинцев, кумыков и осетин» [Галгай 1924: 49]

Мехк-кхел включал также судей (*кхелахой*), представлявших разные общества и досконально знавших обычное право, имевших в народе авторитет и обладавших даром ораторского искусства.

Традиционный общественный быт регулировался обычным правом — адатом и мусульманским правом — шариатом.

До присоединения к России ингуши, как и другие народы Северного Кавказа, не знали писаных законов и в своей общественной жизни руководствовались нормами обычного права, определявшими их быт. Источниками адата становились как санкционированные общиной нормы, ставшие традицией, так и новые нормы, возникавшие в ходе судебной практики, то есть правовые инновации [Бабич 1999: 18].

Взаимодействие традиционной и государственно-административной системы управления в Ингушетии (XIX—начало XX в.)

В первой половине XIX в. начался процесс государственного регулирования жизни ингушского общества. Недостаточное знание народов, населяющих Кавказскую губернию, создавало трудности в управлении южными границами империи. Правительству предстояло найти такую форму имперского присутствия в Северо-Кавказском регионе, которая прежде всего обеспечила бы его социально-политическую стабильность. Предвидя возможные последствия быстрой ломки традицион-

ного уклада, российские власти попытались найти возможные варианты компромисса. Для решения этой проблемы и по инициативе главнокомандующего Кавказской армией генерала А. П. Ермолова был организован сбор материалов по обычному праву горцев. Для эффективного управления покоренным Кавказским краем нужна была такая судебная система, которая не слишком противоречила бы адату. Но сменивший Ермолова в 1827 г. И. Ф. Паскевич занял противоположную позицию и предложил ввести на Кавказе общероссийские порядок управления и судебную систему. В некоторой степени этому способствовало образование Кавказского областного управления, в ведении которого были вопросы внешнего и внутреннего управления областью, общий контроль за деятельностью областных правительственных и судебных учреждений. Для управления коренным населением была создана система приставств. В обязанности приставов и их помощников входили передача приказаний начальства населению и доведение информации о нуждах народа до сведения правительства, а также разбирательство, совместно с выбранными стариками, внутренних дел общества. 1830 г. был ознаменован учреждением окружных судов и введением гражданского устройства. При Владикавказском комендантском управлении был учрежден народный суд для Куртатинского, Тагаурского, Джейраховского, Кистинского и Гаглаевского обществ, в котором заседали представители от указанных обществ [АКАК 1878. Т. VII, д. 305, л. 372].

Значительная часть рассматривавшихся в этом суде дел касалась кровной мести. Местное население, не зная русского языка, не будучи знакомо с формами российской судебной системы и не имея собственной грамоты, сталкивалось со многими трудностями. За шесть лет существования Владикавказского окружного суда в производстве его было только 12 уголовных, 4 следственных и 2 гражданских дела. Местное население, привыкшее разбирать сложные и спорные вопросы в соответствии с прежде существовавшими обычно-правовыми практиками, еще не было готово выносить их на всеобщее обсуждение через суды.

Признав неэффективность работы последних, в 1836 г. правительственные органы приняли решение упразднить упомянутый суд, а его полномочия возложить, как и прежде, на приставов и их помощников, которые бы вели письменное делопроизводство, а также выделить одну единицу переводчика из местного населения. Обязанности приставов были определены инструкцией с учетом местных особенностей. В ней, в частности, говорилось:

Всех горцев, обличаемых в важных уголовных преступлениях, коих поступки будут подлежать судебному рассмотрению, предавать военному суду и исполнять приговоры о них по установленному порядку [АКАК 1881. Т. VIII, д. 612, л. 715].

Такая форма судебных разбирательств должна была сохраняться до тех пор, пока само население не оказалось бы готовым к введению новой судебной системы.

В 1839 г. генерал-адъютант П. Х. Граббе для более эффективного судопроизводства предложил покоровшимся горцам выбирать себе одного кадия, который, помимо решения судебных дел по шариату, был бы обязан исполнять все приказания пристава. Кроме того, надлежало выбирать в каждом ауле одного старшину, который бы наблюдал за общественным спокойствием и приводил в исполнение все приказания начальства [РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 381, л. 5]. Это была попытка приблизить существующее право к местному адату и шариату.

Однако в 1840 г. российская администрация ввела на Кавказе уголовный и гражданский суд, разработанный по проекту сенатора П. В. Гана. Этот суд функционировал всего два года, так как его деятельность была вопиюще не согласована с местными особенностями и обычаями населения [Лисицына 2003: 135]. Недовольство данной системой судопроизводства выразили депутаты Назрановского общества, которые обратились к императору с просьбой «о дозволении им в делах между своим обществом и соседственными горскими племенами разбираться собственным судом, и только за преступления против правительства, и вообще против русских, предавать виновных суждению по российским законам» [РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 311б, л. 19 об.]. На это заявление был получен следующий ответ:

При Назрановском приставе для этого постоянно находятся 6 старшин, выбранных Народным собранием; они разбирают все маловажные споры между жителями, и старые претензии относятся в Командантское управление только в таком случае, ежели просители остаются недовольны решением старшин; дела же уголовные, и вообще с русскими, решаются нашими законами [РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 311б, л. 30].

Намерение Российского государства выполнять контролирующие функции посредством российских приставов и представителей местной элиты существенно ограничивало функциональную сферу Народного собрания и ставило под сомнение роль его как стабилизатора общественных отношений в общине [Кобахидзе 2003: 229].

Сложная политическая обстановка, связанная с Кавказской войной, не позволяла в нужной мере заниматься судебно-административными вопросами в крае. Однако необходимость изменения организации административного управления регионом назревала. 19 февраля 1844 г. вновь был учрежден институт кавказского наместничества. Для усиления контроля в регионе кавказскому наместнику М. С. Воронцову были предоставлены довольно широкие права и полномочия, в том

числе в судебной сфере. В его подчинении находились губернский и областной прокуроры.

В рамках кавказского наместничества успешно стала функционировать система военно-народного управления, которая охватила все горское население Северного Кавказа. Ее сущность, по оценке последнего наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, заключалась в следующем:

Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии, и на предоставлении населению (возможности) во внутренних делах ведаться по своим адатам». При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента» [Рейнке 1912: 6].

Главными чертами военно-народного управления являлись: 1) единоначалие; 2) возможность быстрого перемещения и призыва войск; 3) народный суд.

Военно-народное управление, созданное в период Кавказской войны, имело выраженную специфику. В нем совмещались функции военной и гражданской власти. Вместе с тем в этой системе отчасти сохранялись функции местных «народных органов». Под «народными органами» подразумевалось управление на местах по старинным обычаям, подразумевавшим выборное начало должностных лиц, а также судопроизводство по неписаным законам и нормам шариата.

Политику военно-административного управления в 1856 г. продолжил А. И. Барятинский, который в 1857 г. реорганизовал аппарат наместничества. Приставские управления были упразднены, и указом императора все «покорное население Левого Крыла» Кавказской линии разделено на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Кумыкский [Мужехоева 1982: 74]. Позднее (1859), после завершения активных военных действий в горной Чечне, было образовано еще два округа — Аргунский и Ичкеринский. Эти изменения привели к учреждению на Левом крыле «Особой канцелярии по управлению покорными туземцами» [Кондрашева 2004: 12].

Административно-территориальные преобразования, продиктованные условиями военного времени, проводились без учета исторически сложившихся границ проживания горских народов, их хозяйственных нужд и культурных факторов. В итоге округа группировались из разных племен, стоящих на различных уровнях социально-экономического, правового и культурного развития, что предполагало временный характер данных образований. Ярким примером тому служил Военно-Осетинский округ, в состав которого вошли осетины, кабардин-

цы Малой Кабарды, назрановцы (ингуши, проживавшие в равнинных и предгорных районах) и ингуши, проживавшие в горных районах [Эсадзе 1907: 198].

Основные цели и задачи административного управления горскими народами сводились к следующему: 1) судебные и полицейские функции возлагались на представителей царской администрации, в первую очередь на русских офицеров, гражданские лица из местных от управления отстранялись; 2) было сохранено использование норм обычного права, но по достаточно ограниченным категориям дел; вводились горские словесные суды; на шариатский суд возлагалось решение только тех дел, которые были связаны с религиозными нормами [АКАК 1904. Т. XII, л. 1288—1290].

1 апреля 1858 г. было издано «Положение об управлении Кавказской армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горскими народами [Мужухоева 1982: 75]. Согласно этому Положению, при начальнике округа выбиралось несколько помощников «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени», следовало также «в каждом округе учредить суд из постоянных членов». Суд состоял из председателя, функции которого возлагались на начальника округа, депутатов, назначенных от всех обществ, входивших в состав округа, кроме того, членами суда являлись также кадий, словесный и письменные переводчики, несколько писарей и судебный делопроизводитель в лице адъютанта начальника округа [АКАК 1904. Т. XII, л. 1288—1289]. При этом судебные процессы осуществлялись при участии судей, избираемых в горских обществах. На уровне сельских обществ сохранялись элементы самоуправления. Военно-народная система управления рассматривалась имперскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в тех районах, население которых «еще не было подготовлено к гражданскому управлению» и применению общеимперского законодательства [Цуциев 2006: 24].

В 1869—1870 гг. на Северном Кавказе была проведена новая судебная реформа. 30 декабря 1869 г. был обнародован указ императора о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В округах учреждался словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Состав судов утверждался начальником области. В сельских обществах учреждались «аульные суды», тем самым превращая сельскую общину в административную единицу. В ведение аульных судов передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества. Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечий, случайные убийства, изнасилования, кражи с взломом и с применением оружия и т. п.) рассматривались окружным

словесным судом. Суды руководствовались положениями обычного права — адата и мусульманского права — шариата. Но на деле сельские общества были лишены самостоятельности в решении важных вопросов, так как за малейшее подозрение в антиправительственной пропаганде старшина мог любого человека подвергнуть аресту [История народов Северного Кавказа 1988: 282]. В результате подобных реформ система традиционного самоуправления горских обществ продолжала подвергаться разрушению.

С 1871 г. в Ингушетии стал функционировать Назрановский ГСС в следующем составе: председатель — начальник Владикавказского округа или его помощник, три депутата и кадий [РГИА, ф. 1268, оп. 15, д. 143, л. 8].

Председатель суда, депутаты и кадий образовывали состав горского словесного суда. Председатель суда назначался администрацией. Как правило, председательствовал в судебном заседании начальник округа или его помощник (соответственно, в отделах — помощник атамана) по должности. Считалось, что депутаты-судьи и кадий избираются населением, но, по существу, они также назначались администрацией [Кокурхаев 1989: 47—48].

Под строгий контроль российской власти была поставлена и деятельность представителей мусульманского духовенства. Кадий должен был выдержать испытание на звание эфендия (эфенди) при Закавказском мусульманском духовном правлении суннитского учения. На эту должность в Назрановском горском суде в 1891 г. был утвержден житель села Альты-Гамурзиевского Абдурахман Хаджи Актолиев [ТВ 1891: 31]. Списки депутатов и кандидатов на эти должности, выбираемых от каждого селения в ГСС, публиковались в газете «Терские ведомости».

Положением от 25 ноября 1908 г. была установлена двухступенчатая система выборов депутатов и кадиев горских словесных судов, избираемых на три года. Преимуществом новых судов признавалась «крайняя дешевизна» их содержания, а недостатками — ложные клятвы, лжесвидетельство и неправильный перевод. Нерешенным остался вопрос о введении суда присяжных для горцев.

Крупным изменениям в ходе реформ подверглась система традиционного самоуправления горских обществ в сторону ее дальнейшего разрушения. В соответствии с «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области», утвержденным 30 декабря 1870 г., в горских округах создавались сельские (аульные) суды. Судьи (не менее трех человек) избирались аульным сходом и утверждались начальником округа. Дела решались по адату и шариату с участием кадия. В горных районах вводились суды, рас-

считанные на несколько аулов [Арсанукаева 2010: 6]. В ведении сельских судов были споры и тяжбы между жителями сельского общества, а также дела по административным проступкам. Принятые с нарушением правил решения и приговоры могли быть обжалованы в горском словесном суде в месячный срок. Решения должны были приводиться в исполнение старшиной аула и его помощником незамедлительно.

Адатное и мусульманское право в XIX в. воспринимались как относительно рациональные нормативные подсистемы, имевшие собственную ценность (направленную на охрану и защиту правового порядка) и потому получившие со стороны государственной власти легитимацию, что обуславливало включение их в российскую правовую систему.

Известный в свое время публицист Н. С. Мансуров писал, что после введения на Северном Кавказе судебной реформы среди горцев Терской области удержался как особый институт лишь ГСС, который действовал исключительно на основании обычаев и адата, частично изложенных в учении шариата, а частично переходящих по традиции из рода в род. Таким судом, в котором председательствует младший помощник окружного начальника или атамана отдела, пользуются кабардинцы и горские общества Нальчикского округа, ингуши, чеченцы и кумыки [Мансуров 1894: 58].

Однако и такая судебная система не была лишена недостатков, критика в ее адрес появлялась в местной прессе. Так, в газете «Терек» анонимный автор предлагал или реорганизовать эти суды, или уничтожить их как не достигших цели [О горских словесных судах 1882: 22—23]. В 1901 г. в газете «Терские ведомости» также прошла критика в адрес существующей системы, предлагалось «заменить горские суды общими для государства судебными установлениями или дать им прежнюю чисто народную организацию» [ГСС 1901: 67].

Критика в адрес горских судов звучала постоянно, так как они не отвечают интересам народов края. Местное население постоянно выступало с различного рода инициативами, направленными на приближение существующей системы управления к местному адату, так как во Владикавказском округе¹ проживали и христиане и мусульмане. На совещании окружных кадиев и представителей мусульманского населения, созванном во Владикавказе в 1909 г., ставился вопрос об учреждении на Северном Кавказе муфтията, создании самостоятельного мусульманского правления Терской области и открытии семинарии [Горские суды 1913: 37].

Государственная власть, обладавшая законодательной инициативой, игнорировала многие предложения местного населения, корректируя законы и соответствующие практики в собственных интересах.

¹ В 1871 г. округа Ингушский и Осетинский были объединены во Владикавказский округ.

Впрочем, критика в адрес горских словесных судов не осталась незамеченной. Сенатор Н. М. Рейнке в 1910—1911 гг. произвел ревизию судебных учреждений на Кавказе и дал низкую оценку работе горских судов. Вопрос об упразднении горских судов был возбужден начальником области в 1910 г. и Терским областным правлением в ноябре 1912 г. Н. М. Рейнке в своем отчете о проведенной им ревизии высказывался против горских судов и предложил проект переустройства судебной системы для горского населения Северного Кавказа [Рейнке 1912: 2].

Судебная и административная системы были неотъемлемой частью управления краем. Это создавало предпосылки для внедрения в быт и общественную жизнь местного населения определенных общероссийских правил.

Так, в горском словесном суде наряду с адатом и шариатом использовались и нормы российского права и судебного процесса. В частности, была введена должность следователя. Кроме того, с целью проведения судебных расследований по нормам российского законодательства были учреждены участковые судебные отделы. Горские суды стали переходной формой от системы судопроизводства по обычному праву и шариату к российской системе. Во многом эффективность работы горских судов зависела от авторитета его членов в местном обществе.

Несмотря на те или иные изменения, режим военно-народного управления просуществовал до 1917 г. Не были отменены и горские суды со смешанной российско-адатно-шариатской юрисдикцией в Терской и Кубанской областях [Северный Кавказ 2007: 200].

* * *

Нельзя обойти вниманием и еще один важный аспект управления краем. Большое значение в борьбе с преступностью царская власть придавала круговой поруке. Целые селения наказывались в случаях, когда преступники оказывались выходцами из них, или когда по их территории перемещались преступники, принадлежавшие другим обществам и совершившие преступления в других местах, или когда следы преступной группы обнаруживали на подступах к населенному пункту. Сторонники таких методов наказания руководствовались тем, что жители селения или община знают лиц, совершивших преступление, и потому нельзя поощрять их в укрывательстве преступников. Это было бы справедливо, если бы соответствовало действительности, но чаще всего страдали ни в чем не повинные люди. Местная администрация считала, что правопорядок среди горцев могут обеспечить не «национальные» суды, а судебные учреждения, основанные на общеимперских правилах, и «административная расправа» в виде высылки

в Сибирь. Подобные взгляды разделяли и некоторые ученые. К их числу относился декан юридического факультета Петербургского университета профессор Н. Д. Сергеевский, бывший горячим сторонником так называемого «института ответственности невинных». Он доказывал, что государство не только может, но в некоторых случаях и должно наказывать за преступления целые группы людей, в преступлении не виновных. Этот вековой институт, говорил профессор, «всегда существовал в действующем праве и, по всей вероятности, всегда будет существовать» [Яблонский 1912: 75].

Указанная практика реализовалась с самого начала государственного управления краем, о чем свидетельствуют архивные документы. В июне 1839 г. в Пензенскую губернию были сосланы жители Назрани якобы за то, что «они давали хищникам пристанище в своих домах и пропускали их на Военно-Грузинскую дорогу». Тортаг Селимсов, Батако Ужаков с семейством из трех душ, Аизим Айдемиров, Исмаил Ахов с женой, Булгучев Астемир, Джай Албогачиев, Аки Бозгов были сосланы в Сибирь на поселение за неспособность к военной службе и нарушение порядка между окрещенными ингушами [РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 912, л. 1]. Известны и другие документы: «Дело о выселении в Восточную Сибирь ингушей Назрановского округа Терской области за оказание поддержки отряду Зелим-Хана, совершавшему вооруженные нападения на Российские войска 1910—1913 гг.» [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 39, л. 1], «Запрос в Государственную думу от Албогачиева Т. Д.» по вопросу неправильного обложения жителей села Сагопши Назрановского округа Терской области огромным штрафом за ложный донос [ЦГА РСФСР, ф. 11, оп. 52, д. 849, л. 123].

Если присмотреться к карательной политике, практикуемой на наших далеких окраинах, писал в эти годы А. Яблонский, в особенности среди горных кавказских племен, то всякому стороннему наблюдателю непременно бросится в глаза эта юридическая нелепость: за преступление, совершенное отдельными лицами, наказание несут не только целые села и целые общины, но и целые народы. И это настолько вошло в обычай, что всякий раз, когда власти не могут собственными силами изловить разбойников или задержать грабителей, они налагают денежные и всякие другие взыскания на семейство разбойника, на его односельчан и даже на весь народ, откуда разбойник происходит [Яблонский 1912: 78]. К сожалению, институт групповой ответственности и наказания невинных существовал и будет существовать всегда, так как государственные интересы превыше всего.

* * *

В 1883 г. в Терской области было произведено разделение гражданских округов (существовавших с 1871 г.) на казачьи отделы и гор-

ские округа. Область была поделена на три отдела: Сунженский, Пятигорский и Кизлярский — и 4 округа: Владикавказский, Грозненский, Нальчикский и Хасав-Юртовский. Плоскостная Ингушетия значилась во 2-м участке Сунженского отдела, а нагорная — в 3-м участке (с участковым правлением в станице Сунженской). Тем самым был установлен прямой военно-административный контроль казачьих войск над местным населением.

Недовольство существующим административным делением ингуши выражали неоднократно. Г. К. Мартирозиан писал, что в 1903 г. «доверенные» от сельских обществ 2-го Сунженского участка выражали свое недовольство 16-летним управлением Сунженским отделом:

Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние крохи и без того обнищавших жителей. [Мартирозиан 1933: 102–104].

Такое положение дел продолжалось до тех пор, пока ингуши входили в состав Сунженского отдела.

1905 г. был ознаменован временным учреждением Назрановского округа. В его состав по распоряжению главнокомандующего Кавказским военным округом вошли из Сунженского отдела 2-й и 3-й участки в полном объеме, а из 1-го участка — селения Сагопши, Пседах и Кескем с подчиненными им в административно-полицейском отношении хуторами и поселками. При этом был переведен из Сунженского отдела в Назрановский округ ГСС. Существование Назрановского округа на «правах» временного образования тревожило народные массы. В январе 1908 г. «выборные от ингушского народа поручик Татре Албогачиев, Шаптуко Куриев и Дугуз Хаджи Беков прибыли в город Тифлис с целью ходатайствовать перед наместником Его Высочества на Кавказе об утверждении временно образованного Назрановского округа». Прошение было удовлетворено, Назрановский округ в указанных границах был утвержден 10 июня 1909 г. Было принято решение образовать управление Назрановского округа и ГСС в этом округе в том составе, какой определен для общего управления округов Терской области. «Назначить местопребыванием управления Назрановского округа местечко Назрань» [ЦГА РСФСР, ф. 11, оп. 52, д. 849, л. 123—128].

Говоря о судебноп-правовых преобразованиях на Кавказе, нельзя не отметить, что наряду с горским словесным судом 12 июня 1907 г. ввиду частых конфликтов, возникавших между ингушами и осетинами, был создан осетино-ингушский смешанный суд.

Для более объективного разбирательства спорных вопросов при- сяжных выбирали от обеих конфликтующих сторон. Председателем

суда был назначен ротмистр Шутов (в 1910 г. его сменил на этом посту Розенберг). Членами суда были выбраны по три представителя от каждой стороны. С ингушской стороны членами суда в 1909 г. были Зайтула Чапанов, Жанхот Плиев и кандидатом — Берса Гошлукиев; с осетинской стороны — Баби Гайтов, Хаджимурза Хуцистов и Бечир Макеев. Протокол, состоявший из 28 пунктов и регламентировавший деятельность осетино-ингушского смешанного суда, вступил в силу 15 апреля 1909 г. [ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 6, л. 12—15]. В том же году была создана комиссия для проверки деятельности суда, в которую от ингушей вошли Татре Албогачиев (с. Гамурзиево), Хакяш Веджижев (с. Нижние Ачалуки), Юсуп-хаджи Плиев (с. Плиево), Керим-хаджи Льянов (пос. Назрань), Эльмурза Гайтукиев, Аслан-хаджи Инаркиев (г. Владикавказ) [ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 4—4 об.]. Эти выборные от всего народа должны были со всей ответственностью оценить деятельность смешанного осетино-ингушского суда.

В апреле 1909 г. при содействии областной администрации в городе Грозном состоялся съезд туземного и русского населения Терской области для организации в области примирительных народных судов. На съезде было принято временное положение «О задачах, действии и организации примирительного суда в Терской области». Для выработки положения об организации и деятельности суда была избрана комиссия, в которую от Назрановского округа вошли поручик Татре Албогачиев и Хадис Худабердов. Комиссия подготовила проект положения о народно-примирительных судах [ТВ 1909: 207]. С 15 октября 1909 г. народно-примирительные суды были введены, в связи с чем отменялись смешанные суды. Однако осетино-ингушский смешанный суд был сохранен, так как во Владикавказском округе примирительных судов не было. В Ингушетии народно-примирительные суды действовали — они рассматривали только споры, возникавшие между ингушами [ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 24, л. 6—6 об.].

Осетино-ингушский смешанный суд присяжных просуществовал до революции 1917 г.

Ингушетия в административно-правовом пространстве Советского Союза

Новая государственная власть и создаваемая ею правовая система провозгласили защиту интересов народа. В основу Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) были положены принципы равенства всех наций и народностей и признание права наций на самоопределение, что способствовало внесению умиротворения в общество. Неприкосновенными объявлялись верования, обычаи и тради-

ции, национальные и культурные учреждения народов Поволжья и Крыма, Сибири и Туркестана, Северного Кавказа и Закавказья.

В мае 1917 г. во Владикавказе по инициативе Временного Центрального комитета объединенных горцев открылся Первый съезд горских племен Кавказа, религиозная секция которого решила ввести в судах по всем делам мусульман шариат, учредить должность Кавказского муфтия с резиденцией во Владикавказе для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии. При муфтии должен был быть создан совет из четырех кадиев: по два от шафитов и ханафитов [Музаев 2007: 377]. На должность муфтия был избран Нажмуддин Гоцинский.

После Октябрьской революции, 4 ноября 1917 г., муфтий Нажмуддин Гоцинский обратился к муллам и прихожанам Северо-Кавказского муфтията с посланием:

Я, избранный волею горских народов, повинуюсь велению шариатского права, приказываю всем сельским муллам приступить немедленно к обучению прихожан обрядам ислама, как-то: правильному совершению намаза, поста, отчислению пожертвований, закята и совершению прочих личных религиозных обязанностей мусульманина.

Я напоминаю всем сельским муллам, что воля тех же в дни обновления нашей горской жизни создала Центральный Комитет, цели которого не противоречат правилам шариата, он желает одного — поднять политический и культурный уровень наших народов и отстоять их права в настоящее время, когда различные опасности угрожают даже самому существованию народов.

Поэтому я, ваш муфтий, приказываю вам предложить сельским обществам немедленно избрать из своей среды особых богобоязненных лиц, обязанных неумолимо проводить в жизнь правила шариата, во всей строгости в борьбе с ворами, разбойниками и убийцами, а все представители светской власти, областные, окружные комиссары и сельские старшины обязаны оказывать названным лицам свое содействие, ибо в противном случае они будут отстранены от своих должностей как недостойные своего звания на основании постановлений Центрального Комитета. Я объявляю своему населению, что все правила шариата будут мною и всеми светскими властями применены во всей строгости, без всякой жалости, вплоть до отсечения рук вору и смертной казни разбойникам и убийцам; для этого мною будут назначены особые лица, которые будут немедленно приводить в действие карательные постановления... (цит. по: [Музаев 2007: 406]).

Союз объединенных горцев функционировал в качестве высшего представительного и исполнительного органа власти народов Северного Кавказа с мая 1917 г. Его руководство было привержено идее установления в России через Учредительное собрание Демократической

Федеративной Республики «отдельных самоуправляющихся автономных областей, с особыми законодательными палатами и выборными правительственно-административными органами, которым принадлежит право местного законодательства во главе с единой общероссийской палатой и выбираемым палатой президентом» (цит. по: [Султыгов 2007]).

В ноябре 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев принял решение о создании Горской автономии (Горской республики), которая функционировала до марта 1918 г. — вплоть до провозглашения Терской советской республики в Пятигорске на 2-м Терском областном народном съезде.

В феврале 1918 г. на втором съезде народов Терека в Пятигорске был создан высший орган государственной власти Терской республики — Терский съезд народных комиссаров, в структуре которого было предусмотрено создать Народный комиссариат юстиции, которому должны были быть подчинены суды. В резолюции съезда говорилось:

Каждому народу предоставляется право организовать свои народные суды, творящие правосудие, согласно народным обычаям и нормам (цит. по: [Кодзоев 2006: 88]).

7 марта 1918 г. ВЦИК принял Декрет о суде № 2, в котором сохранялись местные суды и предусматривалось создание окружных народных судов для рассмотрения дел, которые превышали полномочия местных судов. Согласно этому декрету, члены окружных судов избирались и отзывались местными советами, председатель суда избирался и отзывался членами суда [Цалиев 2003: 19]. В том же году Ингушским народным советом членом Владикавказского окружного народного суда был избран Б. К. Далгат [Далгат 2003: 9].

После окончания Гражданской войны и восстановления советской власти на Северном Кавказе при Облревкоме Терской области, в состав которой входила Ингушетия (Назрановский округ), был создан Отдел юстиции. Отдел состоял из четырех подотделов: судебно-следственного, карательного, общего и административно-хозяйственного. При судебно-следственном отделе действовали такие органы, как областной революционный трибунал, советы народных судей, народные суды, следственные комиссии, окружные бюро юстиции, коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Б. К. Далгат стал заведовать отделом юстиции в Назрановском окружном революционном комитете [Там же]. Кроме того, в области, по решению местных революционных комитетов, официально продолжали функционировать шариатские суды.

В Назрановском округе (Ингушетия) их было три [Кодзоев 2006: 77]. Первый располагался в крепости Назрань и рассматривал спорные

вопросы близлежащих селений: Насыр-Корт, Гамурзиево, Альтиево, Барсуки, Плиево, Яндырка, Сурхахи, Экажево, поселок Назрань, Долаково, Кантышево и Базоркино. Второй — Ачалуковский — располагался в селении Средние Ачалуки и обслуживал жителей селений: Кескем, Пседах, Сагопш, Нижние Ачалуки, Верхние Ачалуки, Средние Ачалуки. Третий — в станице Сунженской — суд горной полосы с подведомственными ему районами: Камбилеевский объезд, хутора Шалки (Тарский хутор), Ахкин-Юрт, Таузун-Юрт, Мецхельское общество, Джейраховское общество, Редантское общество, Галашки, Мужич, два Алкуна, два Даттыха, Арштыгское общество, Хамхинское общество, Цоринское общество [Ингушская беднота 1920: 8].

Отношение советской власти к мусульманскому праву в корне отличалось от политики дореволюционной российской администрации.

Последняя поддерживала адат, тем самым надеясь ослабить позиции ислама как такового и мусульманского повстанчества в частности. Большевики же в начале 1920-х гг., наоборот, искали союза с мусульманским освободительным движением. 17 ноября 1920 г. И. В. Сталин на съезде народов Терской области отмечал:

Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России. У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. <...> Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату [Сталин 1947: 401—402].

Подобное заявление являлось всего лишь политическим маневром. Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет большевиков оказался верен.

Как и до революции, в 20-е гг. отличительной чертой Северного Кавказа оставался правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Кроме шарсудов (шариатских судов. — *М. А.*) были созданы народные и сельские словесные суды (их не следует путать с одноименными дореволюционными учреждениями, с которыми их объединял лишь внешний характер судопроизводства, тогда как фактически они судили по советскому праву), а также земельные комиссии. Первые народные суды были созданы в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать

гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались гражданские и уголовные тяжбы между мусульманами (в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд), а с 1923 г. — все дела по убийствам и кровной мести, изъятые из ведения шарсудов. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству [Бобровников 2003: 5].

В 1920 г. в Назрани был открыт советский шариатский суд под председательством Тарко-хаджи Гарданова [Боков 1998]. С 1918 г. он поддерживал большевиков, участвовал в борьбе против Г. Ф. Бичерахова и Деникина, в народе имел прозвище Красный Шейх [Музаев 2007: 435], будучи очень влиятельным и авторитетным человеком. Шариатскому суду, который он возглавил, были подведомственны гражданские иски и дела о наследстве, а для контроля за деятельностью этого органа при Отделе юстиции Терского облисполкома был создан Шариатский подотдел. В мае 1921 г. после создания Наркомата юстиции ГАСССР при нем был создан Совет шариатских судов [Кодзоев 2006: 88].

Однако с упрочением позиций советской власти борьба с религией и религиозными деятелями приняла жесткие формы. Мечети закрывались, а в их помещениях организовывались светские школы; видные богословы были высланы [Бугаев 1923: 30]. 8 августа 1922 г. Центральный исполнительный комитет Горской республики издал постановление № 16 «Об упразднении шариатских судов» как не соответствующих растущей сознательности горских масс и всей сложности юридических взаимоотношений [Кодзоев 2006: 89]. Деятельность последних перешла на нелегальное положение.

Еще какое-то время функционировали школы при мечетях. Преподавание в медресе велось на хорошем уровне. В частности, медресе в Гамурзиево, где работал Ильяс Мулла Озиев, известный арабист и кадий Назрановского округа, считалось кузницей высококвалифицированных арабистов [Озиев 1996: № 24]. По сообщению Х.-М. Мугуева, в 1929 г. в Ингушетии функционировало 32 школы с полутора тысячами учеников, в которых велось обучение основам ислама, и такое же количество медресе с 825 учениками [Мугуев 1931: 37]. Преподавание в этих учебных заведениях осуществлялось местными муллами и хаджами, несмотря на то что власть активно боролась с их влиянием на население и с ними самими, подвергая их репрессиям. Ведь именно выпускники этих учебных заведений становились имамами мечетей и возглавляли нелегально функционировавшие шариатские суды. Последнее было обусловлено религиозным сознанием населения, не мыслившего своего существования без учета соблюдения основ шариата.

В Горской АССР 1 марта 1923 г. был образован Горский областной суд, который заменил действовавшие до этого Совет народных судей, особую сессию при нем и Горский революционный трибунал. Впоследствии Горский областной суд был переименован в Главсуд. Но он профункционировал чуть больше года и 17 июня 1924 г. был ликвидирован с последующим разделением его полномочий между Горсудом, который, в свою очередь, делился на Ингушский и Осетинский (Владикавказ в тот период являлся административным центром двух областей — Ингушской и Осетинской, а также Сунженского казачьего округа). Однако 1 августа 1924 г. Главсуд Горской республики был упразднен (в связи с упразднением Горской АССР и образованием на её территории Северо-Осетинской, Чеченской, Ингушской автономных областей и Сунженского казачьего округа) и параллельно с созданием Осетинского были сформированы Ингушский областной суд, который находился во Владикавказе, и три районных суда: во Владикавказе (Нагорный округ), в Назрани (Назрановский округ) и в Средних Ачалуках (Ачалуковский округ) [Кодзоев 2006: 97]. Председателем Ингушского областного суда был назначен участник гражданской войны Юсуп Тохович Албогачиев [Чахкиев 2000: 273].

Организация подобной судебной сети не могла исключить из жизни народа веками формировавшиеся законы обычного права, а также шариат. К годовщине создания Ингушского областного суда в газете «Сердало» от 1 августа 1925 г., подводя итоги работы Облсуда за год, З. Ц. Тутев отмечал, что ингушский народ полностью сохранил адат, который, «укладываясь столетиями в жизнь ингушей, пустил глубокие корни, являясь, таким образом, главным фактором мировоззрения данного народа, и что в стадии дореволюционного права, то есть во времена царской власти, среди ингушского народа существовало три различных по духу и цели права, а именно: 1-е адатное (бытовое), 2-е шариатское (мусульманское), 3-е дореволюционное (русско-царское)», среди которых все-таки адат играл главенствующую роль, являясь «отражателем всех сторон социального положения данного народа». В статье отмечалось, что «общее условие действительности Ингушетии ставит перед ингушским судом чрезвычайно трудную и сложную задачу вытеснить широко практикуемое право кровной мести, калым, похищения женщин и другие бытовые преступления, представляющие большое социальное зло, и построить правовую жизнь ингушского народа на культурных государственных началах». Как положительный фактор в деятельности ингушского судопроизводства отмечалось, что судами учитывается местная специфика:

Вместе с тем необходимо сказать, что почти каждое судебное дело носит своеобразный национальный отпечаток и требует особого к себе внимательного подхода, а для правильного разрешения — много труда

и времени. При таком положении ингушскому областному суду приходится учитывать слишком низкий уровень политического, культурного и юридического развития граждан, их психологию, правовые убеждения и понятия. Но зато надо сказать, что метод своей практической работы, избранной судебными органами нашей еще молодой автономной области, хотя и трудной, но верной, несомненно, приведет нас к намеченной цели [Тутаев 1925: № 81].

Накануне осуществления общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации советская власть на Кавказе окрепла настолько, что решено было уничтожить шариатские и адатные институты и унифицировать судебную-административную систему в регионе. Уже в первой половине 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, земельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды [Бобровников 2003: 25].

Действие шариатского правосудия было окончательно отменено в Ингушетии в январе 1926 г.

В 1928 году в уголовный кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203—204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагерь сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году [Бобровников 2003: 5].

В 1934 г. Ингушетия без волеизъявления народов была объединена с Чечней в Чечено-Ингушскую автономную область и тогда же был сформирован соответствующий областной суд. Его председателем был назначен ингуш Ханиев Магомед Абдулаевич [Кодзоев 2006: 88]. В 1936 г. область была преобразована в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. К этому времени в республике функционировало 18 участковых народных судов, из них 4 располагались на территории Ингушетии: народный суд Сунженского района в станице Слепцовской, нарсуд Назрановского района в селекции Назрань, нарсуд Малгобекского района в поселке Малгобек, нарсуд Пригородного района в г. Орджоникидзе.

Тотальные репрессии 1937 г., обрушившиеся на все население СССР, прокатились и по Чечено-Ингушетии. За полтора года республика была фактически обезглавлена. Подверглись арестам почти все

руководители, начиная от ответственных работников республиканского масштаба и кончая председателями сельсоветов, колхозов, рядовых партийных функционеров. Репрессировали многих ученых, врачей, инженеров, деятелей культуры и народного просвещения и местного духовенства. В числе последних были имамы мечетей, которые рассматривали спорные вопросы, основываясь на мусульманской правовой системе. Особенно преследовались последователи учения Кунта-хаджи Кишиева.

В 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а народы, ее населяющие, — ингуши и чеченцы — были сосланы в Среднюю Азию и Казахстан. Запрещение возвращаться на родину было отменено 9 января 1957 г. указом Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР.

После восстановления Чечено-Ингушской республики партийные и советские органы развернули масштабную антирелигиозную кампанию. Деятельность духовенства могла осуществляться только нелегально, муллы обучали детей и подростков в собственных домах и по возможности тайно. Запрещалось исполнение любых мусульманских обрядов. На территории республики не осталось ни одной действующей мечети [Шамилев 1963: 26]. Неафишируемой стала и деятельность неофициальных мулл. Тем не менее они существовали, осуществляя культурные практики в домах членов *вирда*², имевшего просторные комнаты, где могли разместиться *мюриды*. Были и те, кто открыто протестовали против существующей политики воинствующего атеизма. Так, в 70-х гг. в доме Албогачиева Джабраила Мусиевича из с. Сурхахи собирались *мюриды*, а сам хозяин, поднимаясь на крышу собственного дома, кричал призывную молитву (*азан*) пять раз в день. Его несколько раз арестовывали, но он был непреклонен [ПМА 2011].

Деятельность духовенства Ингушетии советского периода мало изучена, но несомненно то, что сохранение традиции тарикатного ислама в это время могло быть достигнуто только благодаря представителям духовенства. Как известно, в тот период во всех учебных заведениях республики проходили атеистические чтения и лекции. В 1970 г., с апреля по июль, в населенных пунктах Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов Чечено-Ингушетии проводились запланированные партийными организациями сходы жителей с осуждением пережитков прошлого, таких как многоженство, уплата *калыма*, похищение девушек, отправление религиозных обрядов [Патиев 2007: 180].

Такое положение продолжалось до 1980-х гг. На территории Ингушетии не существовало «официального» ислама, не было ни одной

² В и р д — суфийское братство.

действующей мечети и шариатских судов. Только в 1983 г. было получено разрешение на открытие мечети в селении Барсуки Назрановского района, но первая мечеть открылась в селении Сурхахи. Ее имамом был избран Башир-хаджи Магомедович Аушев, получивший высшее духовное образование в Ташкенте и Бухаре. Он также стал первым ингушом, совершившим в послевоенное время паломничество в Мекку, являлся одним из самых авторитетных духовных лидеров Ингушетии. До самой своей гибели в 2002 г. он решал разнообразные спорные вопросы, примирял кровников и делал все возможное для укрепления норм шариата в Ингушетии [ПМА 2010].

С началом перестройки у людей появилась возможность открыто выражать религиозные чувства и соблюдать нормы ислама. А после образования Республики Ингушетии произошли еще более значительные изменения в религиозной жизни [Албогачиева 2007: 102].

В апреле 1993 г. на съезде мусульман республики был образован Муфтият, который является духовным центром и высшим религиозным органом мусульман Республики Ингушетии. Возглавил работу Муфтията Магомед-хаджи Албогачиев. Муфтий избирается советом алимов и имамами населенных пунктов Ингушетии сроком на пять лет [Устав Муфтията Ингушетии 2004: 5]. Муфтият образован в результате объединения мусульманских общин и организаций Ингушетии, имеет устав, утвержденный на упомянутом съезде. Он руководит, координирует и контролирует деятельность всех мусульманских учреждений, независимо от того, кто является их учредителем, и оказывает содействие органам государственной власти при рассмотрении вопросов, затрагивающих деятельность мусульманских религиозных организаций Ингушетии.

Органами управления Муфтията являются: совет алимов, муфтий и аппарат Муфтията, кадий и члены кадията. В ведении Муфтията находится шариатский суд, сформированный в республике в мае 1999 г.; его возглавляет духовный судья мусульман кадий (*къаьда*). Кадий является главным консультантом по шариатским вопросам на территории Ингушетии и избирается советом алимов сроком на пять лет, но, если работа кадия удовлетворяет совет алимов, его срок может быть продлен.

На общенародном сходе в Назрани был избран кадий — Абдурахман Шамсудинович Мартазанов, который работает по сей день. Члены суда могут заявлять самоотвод, на свободное место выбирается один из сильных знатоков шариата из местных духовных лидеров. Выбранное лицо должно иметь высшее духовное образование и непререкаемый авторитет среди своих коллег и, конечно, общества. Родственные связи и материальное состояние кандидата не учитываются.

В состав суда входят кадий и судьи (6—8 человек). Нечетное число его членов не является значимым критерием, так как ни одно реше-

ние не может быть вынесено при разногласиях его членов относительно рассматриваемого вопроса [ПМА 2010].

Мусульмане России живут по законам светского государства, используя лишь некоторые элементы шариата, укладываемые в рамки законности страны. Шариатский суд разбирает дела в соответствии с мусульманским правом (шафиитского толка), связанные с семейно-брачными отношениями, наследственными спорами, дела о кровной мести, краже невест, «дела частного обвинения» (клевета, оскорбление и т. п.).

В шариатском суде не рассматриваются вопросы харама, то есть продажа спиртного, наркотиков, дележ прибыли со сделки. Решения шариатского суда никак не влияют на решения гражданского суда [Албогачиева, Бабич 2010], тогда как решений гражданских судов, как правило, приходится ждать очень долго, в шариатском суде решения выносятся не раньше и не позже чем через 3—7 дней после окончания судебных разбирательств.

До 2001 г. суд был действующим органом, выдавал письменные решения. С 2001 г. он продолжает свою работу как консультативный орган для физических лиц. С 1999 по 2001 г. шариатский суд рассмотрел свыше 1000 дел. Мусульмане Республики Ингушетии, по мнению муфтия республики Иссы Хамхоева, продолжают обращаться в шариатский суд, и более 90 % обратившихся довольны решением дел [Албаков 2004: 82]. Если конфликтующие стороны не согласны с решением шариатского суда, они обращаются в гражданский суд. Все дела, подлежащие рассмотрению шариатского суда, конфиденциальны и не передаются в гражданский суд для дальнейшего разбирательства.

Вопросы, решение которых не входит в компетенцию кадията, не принимаются к рассмотрению. Необходимо отметить еще одно обстоятельство: имамы мечетей имеют право решать некоторые спорные вопросы на местах. Решения выносятся с учетом местного адата (*маслахIат*) и шариата [ПМА 2011].

Духовенство проводит большую и важную работу на местах. В каждом населенном пункте есть примирительные комиссии, которые возглавляют старшина мюридов *тхамада*, его помощник-исполнитель *турк* и авторитетные члены сельского общества, которые, не доводя дела до суда, сами решают спорные вопросы. Для этого конфликтующие стороны обращаются в местную комиссию и сообщают о причинах конфликта. Выслушав жалобы сторон, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. Часто конфликтующие стороны идут на примирение вразрез с личными интересами из-за уважения к старейшинам и духовенству. Подобным образом часто решаются вопросы, связанные с драками, дорожно-транспортными происшествиями. После принятия примирительной комиссией решения конфликтующие стороны должны в знак

примирения дать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем претензий не возникнет. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста еще очень высок и цена данного слова тоже [Албогачиева 2007: 102].

Современный шариатский суд не имеет исполнительного органа. Его можно рассматривать как орган досудебного расследования, в котором главную роль играет принцип добровольности [Албаков 2004: 82].

Спорные вопросы рассматривают также совет старейшин и члены примирительной комиссии. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд. На рассмотрение шариатского суда поступают и вопросы кровной мести, на которых мы остановимся более детально.

Взаимодействие традиционной и государственной судебно-правовой систем в борьбе с пережитками прошлого (кровная месть, умыкание девушек с целью женитьбы, калым)

Кровная месть

Кровная месть изначально являлась механизмом реагирования на нарушение социальных установлений, предотвращала многие инциденты, потому что человек рассматривался не сам по себе, а как часть «целого». Объект посягательства перемещался с человека на родовые отношения, внутри которых находился данный индивид. Этот обычай исполнял роль государственного института, регулировавшего взаимоотношения между членами общины, — предотвращал преступления и наказывал преступников. Он в известной степени сохранял общественный порядок, социальную справедливость и равенство, предотвращая распространение в обществе произвола и анархии.

Общинное сознание оберегало интересы своей группы, мобилизуя его членов на защиту одного из них и требуя победы своих, до полного истребления врагов или признания ими своего поражения и подчинения их победившим [Дмитриев 2003: 113]. Смысл кровной мести не в самом физическом уничтожении противника, а в том, чтобы заставить ценить и уважать жизнь. Месть имеет императивный характер потому, что она является ответным актом за содеянное преступление. Месть представляет собой «двусторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробида, и начальное отношение переворачивается: теперь оскорбленный становится оскорбителем и наоборот. Таким

образом, месть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество» [Verdier 1980: 14—16].

У ингушей обычай кровной мести (ингуш. *чир, пха, дов*) существовал в прошлые времена и сохраняется отчасти в современном обществе. Шотландские миссионеры, занимавшиеся в 1822 г. проповеднической деятельностью среди ингушей, отмечали:

Между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмщения в том за родственника своего или приятеля [РГИА, ф.797, оп. 2, д. 8809. л. 19—19 об].

Убийство, даже совершенное по неосторожности, непременно порождает другое, так как родственники убитого мстили убийце за его смерть. Эта месть за смерть и называется *кровной мстью* или *кровной враждой*, а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, называются *кровниками* или *состоящими в кровной вражде* (инг. *довхой*).

Кровную месть способна вызвать не любая обида, а только та, которая, по народным обычаям, карается исключительно кровомщением. Естественно, что нормы обычного права у каждого народа свои, а следовательно, и причины возникновения кровной мести разные. Так, у ингушей, помимо убийства, кровной мстью преследовались и другие действия — насилие в отношении женщины или гостя, оскорбление личности, рубка грушевого дерева³ (в период язычества), увечье, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние с замужней женщиной, соблазнение незамужней, похищение девушки без ее согласия с целью вступления в брак. Ф. И. Леонтович писал, что дела эти возбуждают у ингушей самые сильные страсти, огуманивают их горячие головы и побуждают их на самые отчаянные и кровавые преступления [Леонтович 1883: 148].

Ингуши считают оскорбление словом самым чувствительным из оскорблений и мстят за это вплоть до смерти того, кто произнес оскорбление. Они из-за пустяка могут вспылить в разговоре, но легко успокаиваются. Их пыл проявляется открыто, без малейшего притворства. Презрение к жизни рассматривается как доблесть, а малейшее проявление страха — как величайший позор. Они предпочитают смерть плену. Их мужество и доблесть разделяют также их женщины... [Бларамберг 2001: 342].

Слово у ингушей считается наиболее опасным оружием. «Пуля ризит одного, а язык девятерых», — говорят в народе.

³ Грушевое дерево считалось у ингушей священным.

Необходимо отметить и еще одну очень важную деталь, характерную для кровомщения, — она распространяется только на те народы, у которых она бытует. После экспедиционных поездок в Ингушетию в 1919—1921 гг. Н. Ф. Яковлев посвятил кровной мести две большие главы в своем основательном труде «Ингуши». Он отмечает, что «в ингуша глубоко внедрился взгляд, что другой, такой же, как и он, ингуш не может насильственно навязывать ему ничего, что стеснило бы его свободу или, тем более, причинило ему ущерб. В противном случае насильник должен понести кровную ответственность перед обиженным <...> кровная месть у ингушей на русских не распространялась. Наоборот, со своими старыми соседями-горцами — осетинами, чеченцами и даже кабардинцами — ингуши считались родством, водили дружбу (куначество), а при случае расплачивались кровной местью» [Яковлев 1925: 116]. Из вышеизложенного следует: кровомщение распространяется только на членов того социума, для кого этот обычай известен с рождения.

Кровная месть имеет свои правила, и с годами они изменялись, дополнялись или кардинально реформировались. Так, еще в 80-х гг. в Ингушетии за злостное убийство старейшины объявляли публичное проклятие как известному, так и анонимному преступнику. В большинстве районов Чечни и Ингушетии при исполнении этого обычая почти все взрослое население било палками по звонким медным тазам, кастрюлям, подносам и стреляло из огнестрельного оружия, громко выкрикивая проклятия преступнику. В некоторых случаях для лучшего воздействия на массы возле дорог устраивали своеобразные памятники преступнику — большие кучи (*карлаги*) из камней, комков земли или щепок. Каждый прохожий должен был, проклиная совершившего преступление, бросить в эту кучу что-нибудь из перечисленных предметов. Но теперь этот обычай совершенно изжит из жизни общества.

Несмотря на то что современные ингуши — мусульмане-сунниты, в их быту еще сохраняется в остаточном виде действие местного адата. Смена адатных норм шариатскими в полной мере еще не завершена, это длительный процесс, к которому общество должно прийти самостоятельно, без экстренного реформирования системы правопорядка. Важно иметь в виду, что сближение шариата с адатом было обусловлено особенностью горского менталитета, так как здесь хранителями адата являются старейшины, а хранителями шариата — кадий и знатоки мусульманского закона в лице имамов мечетей и др. Нужно отметить и то, что между адатом ингушей и шариатом есть общие позиции в отношении мести, но вместе с тем есть и принципиальные отличия, которые мы рассмотрим ниже.

Основным принципом адата являлось применение принципа ответственности по отношению не к личности, а к тому коллективу, к которому он принадлежит [Дмитриев 2003: 111].

Мсть являлась особой формой самозащиты: чтобы не нарушить существовавшего ранее равновесия между родами, не стать слабее рода обидчика, род обиженного должен был или причинить враждебному роду равноценную обиду, или убить равноценного члена рода. Мстителю не интересовало, преднамеренно ли было совершено убийство или случайно, убит ли состоятельный горец или бедняк. Часто за смерть кулака, который в обычное время вызывал неприязнь всего рода, который эксплуатировал бедняков, они должны были мстить, рискуя своей жизнью [Жупикова 2007: 127].

В отличие от адатного права, мусульманское признает только личную ответственность за любой вид преступления.

Субъект мести. По ингушскому адату кровную мсть осуществлял кто-либо из членов семьи, рода, к которому принадлежал убитый, или племянники, как по мужской, так и по женской линии. Но при необходимости мстить мог любой член тайпа [Далгат 2008: 108].

По шариату обязательство на мсть распространяется только на сыновей, однако если покойный был бездетен — то на родных братьев убитого или племянников [Кардави 2004: 305]. Если трагедия произошла между близкими родственниками, то коллективная ответственность меньше: представитель жертвы по крови не может казнить своего близкого родственника по мужской линии, виновного в убийстве другого родственника по мужской линии (отец, сын, брат).

Объект мести. Кровная мсть — принцип, согласно которому человек, совершивший убийство, либо кто-то из членов его семьи, рода, племени обязательно должен быть лишен жизни в порядке возмездия, а не правосудия. Так, например, по саксонским обычаям кровная мсть распространялась только на убийцу и его сыновей; по бургундским — только на самого убийцу. По Русской Правде разрешалось мстить брату за брата, сыну за отца и т. п. [Косвен 1925: 45]. По адату ингушей родственники убитого могли выбрать из рода убийцы любого человека, если не удавалось установить личность самого убийцы. Если совершено групповое убийство, то по ингушскому адату кровную мсть могут объявить всем участникам. Однако это адатное правило дополняется в настоящее время шариатскими законами. Согласно шариату, «кровником» может считаться лишь тот, кто является непосредственным исполнителем убийства, а соучастники, которые могли активно содействовать преступлению, не становятся в Ингушетии объектами мести.

Очистительная присяга. Если кого-то подозревают в убийстве, он обязан принести очистительную присягу (*дув баа*). Присяга для ингушей имела и имеет огромное значение. Во всех спорных вопросах, чтобы доказать свою невиновность, ингуши готовы были предстать перед народным судом или, если нужно, шариатским, где подсудимый может дать очистительную присягу — клятву на Коране. Даже если

клятва ложная, он освобождается от ответственности за преступление. Ингуши считают, что человек получит свое наказание или в этой, или в будущей жизни.

Несмотря на то что ингуши являются правоверными мусульманами, в ингушском обществе в виде пережитков сохраняются нормы обычного права, к которому прибегают в некоторых случаях. По шариату клятва принимается только от обвиняемого, а по местному адату во время принесения присяги могут присутствовать и свидетели, которые должны подтвердить эту клятву, при этом от них принесение клятвы не требуется.

Присяга считалась доказательством невиновности, если вместе с подозреваемым в преступных действиях лицом присягу давали уважаемые в обществе люди из рода подозреваемого — «соприсяжники» [Ахриев 1871: № 21]. Ч. Ахриев писал:

...Ингуши прибегают к присяге в тех случаях, когда подозревают кого-нибудь в воровстве или краже. Так, например, если у кого пропадет бык, тот требует от заподозренного очистительной присяги, мало того, при этом должны присягать еще несколько соприсяжников в том, что он, подозреваемый, действительно не виноват в данном воровстве. Если же подозревается не одно лицо, а несколько, то от каждого из них требуется тем же порядком клятва с компанией. В результате выходит, что по поводу пропажи какого-то быка или овцы десятки ни в чем не повинных лиц вынуждены бывают напрасно произносить имя Бога, что, по понятиям всех горцев, составляет великий грех. А между тем уклониться от присяги нет никакой возможности, так как по обычаю отказывающийся от нее признается виновным в совершении именно того преступления, по которому требуется от него присяга [Ахриев 1871: № 20].

По поводу существования у народов Кавказа таких практик Ф. И. Леонтович сообщал, что одна из самых главных и употребительнейших юридических функций в туземном судопроизводстве — присяга [Леонтович 1883: 161]. В XIX в. очистительную присягу в делах, связанных с кровной мстью, по предложению суда медиаторов или посредников (третейских судей) совершали преимущественно у святылища. К ней прибегали в крайних случаях, когда все прочие средства (просьбы, увещания, присяга у *каша*⁴ и т. п.) были исчерпаны. Вера в святость и могущество Ццу⁵ была так сильна, что присягающий, если хоть немного не был уверен в своей правоте, ни за что не решался на присягу у святылища и весь дрожал от страха пред карой божественного Ццу. На принесшего перед Ццу ложную присягу, по словам Ах-

⁴ К а ш а — могила.

⁵ Ц ц у — верховный бог у ингушей.

риева, ингуши смотрели как на проклятого Богом и всеми святыми и встречу с клятвopреступником считали признаком большого несчастья. Поэтому путники, узнав на дороге, что им предстоит встреча с таким человеком, меняли направление пути, обходили это место или вовсе возвращались домой. Даже от святилища, где происходил ритуал присяги, весь народ бежал прочь; рабочие покидали работу, пастухи угоняли стада и сами уходили, страшась того, как бы эта присяга не оказалась ложною и как бы доля греха клявшегося не пала и на них и не навлекла гнева святого. Неудивительно, что к такой присяге прибегали лишь в крайних случаях, когда все прочие средства к отысканию виновного были исчерпаны. Понятно, какое давление она оказывала и на самих судей, и на пятерых родственников-соприсяжников подозреваемого в чем-либо.

Самый обряд присяги происходил так. В присутствии судей и пяти соприсяжников присягавший, войдя в ограду святилища, сняв шапку и подняв глаза к небу, произносил: «Если я повинен в том, в чем подозревает меня такой-то (имя истца), то пусть накажет меня и моих родственников вот этот святой (называет имя святого, которому посвящена часовня) и все святые».

Соприсяжники повторяли за ним те же слова. Если родственники знали, что подозреваемый действительно виновен, то ни за что не присягали за ним и всегда умоляли его лучше сознаться в своей вине, чем подвергать себя и всех их великому несчастью. Они предпочитали собственное разорение и обещали ему, если он сознается, принять на себя уплату искомого имущества или возмездие за преступление. Когда народ вел более строгий и благочестивый образ жизни, ни одно преступление не оставалось у ингушей скрытым [Далгат 2003: 113—114].

Попытки к примирению. Если преступление раскрыто и известен виновник, его родные и близкие предпринимают всяческие попытки к примирению с пострадавшей стороной, и так продолжается до тех пор, пока не будет получен положительный результат, — месяцы, годы и даже десятилетия. Впрочем, нельзя не отметить, что есть категория людей, которые никогда не простят кровь, хотя и не будут мстить; их цель — чтобы объект мести жил в вечном страхе. Это тоже своего рода возмездие, так как до официального примирения он будет являться кровником.

Нужно отметить, что в число парламентаров не могут входить родственники по отцовской линии, на которых распространяется кровная месть. Это могут быть или родственники по матери, или любые уважаемые люди. Они должны узнать, каковы намерения относительно мести и кому дозволено присутствовать на похоронах.

На следующий день рано утром родственники убийцы приезжают на похороны с огромной делегацией и с жертвенным животным, которое нужно убить перед похоронами покойного. Однако в XIX в., по

данным Ф. И. Леонтовича, «за всякое же убийство, как нечаянное, так и намеренное», убийца в Галгаевском обществе (в Назрановском и Горском участках) платил 12 «похоронных» коров (*хелюм*), в Карабулакском — 3 коровы (*мерчи*, то есть саван) [Леонтович 1883: 151]. Похоронная плата не освобождает убийцу от кровной мести. Это демонстрация уважения, сострадания и чувства вины перед родом погибшего. Это жест доброй воли, и он никого ни к чему не обязывает. Некоторые кровники категорически отказываются от похоронной платы и демонстрируют свое желание мести.

Чаще всего в первые минуты после полученной вести о гибели близкого человека родственники не совсем адекватно реагируют на информацию о том, как произошла трагедия: является ли она актом насилия, проявлением злой воли, случайным стечением обстоятельств или это превышение необходимой обороны. В расчет принимается только сам факт убийства, а не обстоятельства, приведшие к трагической гибели человека. Аргументы и доводы, приводимые виновниками трагедии, не кажутся убедительными, поэтому их визит чаще всего бывает безуспешным. Если перемирие достигается, прощенные всю жизнь относятся к простившим с особым почтением, проявляя деликатность, чуткость и внимание. Один информант рассказал мне, что его брат, переходя дорогу, попал под машину и погиб, и отец простил кровь сына. После этого родители молодого человека, который был за рулем, до конца жизни родителей погибшего мальчика ездили к ним на праздники и все значительные события в семье, в то время как сам виновник трагедии не приезжал никогда [ПМА 2010].

Материальное возмещение за убитого. При согласии пострадавшей стороны от крови можно было откупиться. Подобные практики существовали везде, где бытовала месть. У каждого народа существовало собственное представление о материальном возмещении за убийство. Так, например, по Русской Правде назначался штраф (вира); по Салической Правде вместо кровной мести выплачивался штраф — вергельд [Косвен 1925: 145]. В ингушском обществе в середине XIX в. ближайшие родственники убитого при примирении брали выкуп — 130 коров [Ахриев 1868: 45]. В конце XIX в. для примирения враждующих сторон нужно было внести 310 руб., лошадь с полной сбруей и не менее 3 голов рогатого скота, после чего в присутствии свидетелей родственники убитого давали клятву на Коране прекратить кровную месть как против самого убийцы, так и против его родственников. В случае нарушения клятвенного обязательства кем-либо из членов семьи убитого похоронная плата возвращалась обратно [Похищение невесты 1891: № 51]. Сумма откупа на протяжении последних ста лет менялась неоднократно. Отметим, что за убийство до 5 июня 2010 г. она составляла 100 000 руб., а теперь составляет 1 000 000 руб. Принятое решение не означает, что за каждое убийство нужно уплатить та-

кую огромную сумму денег, она может быть уменьшена по желанию пострадавшей стороны, которая и диктует сумму откупа за кровь покойного. Почему ингушское общество решило, что увеличение суммы может дать положительный результат? Заместитель председателя примирительной комиссии Ингушетии председатель примирительной комиссии по Малгобекскому району и городу Малгобеку Алихан Ахметович Муцольгов в интервью прокомментировал это решение так:

Можно снизить убийства, которые совершаются водителями транспортных средств по халатности <...> Сумма откупа же станет не только бременем для виновного, но и подспорьем для семьи, которая потеряла кормильца. [И далее вопрос интервьюера:] Бытует мнение, что закон кровной мести — сдерживающий фактор, что он жизненно необходим для Ингушетии. Ваше мнение созвучно с этим мнением? — Любое мнение имеет право существовать, в том числе и озвученное Вами, которое действительно бытует. Сугубо мое мнение, как индивидуума, что это пережиток прошлого, когда кровь проливается и это никак не может считаться необходимостью [Щечоев 2010].

С точки зрения мусульманского права, прощение крови убитого — самое богоугодное деяние. Родственники убитого могут отказаться от возмездия, получив вместо него выкуп за убитого, эквивалентный стоимости ста верблюдов, или простить без всякого возмещения [Албогачиева 2011а: 67]. Нужно отметить, что самым лучшим для родственников убитого по шариату является прощение без всякого возмещения и только затем — прощение с получением материального возмещения.

Этикет поведения кровников. Если же перемирия не произошло, родственники убийцы соблюдают некий этикет поведения, предусмотренный для такой категории людей.

Они не посещают свадьбы и похороны, на которых могут присутствовать родные убитого, женщины носят темную одежду. Они избегают не только умышленной, но и случайной встречи. Ближайшие родственники убийцы вынуждены будут уволиться с работы и учебы, не появляться в общественных местах, вести затворническую жизнь вплоть до примирения. Это очень сильно сказывается на семейном бюджете. В этих семьях вынуждены работать женщины, а мужчины должны отсиживаться дома или покинуть республику и уехать «в никуда», чтобы их не выследили кровники, там устроиться на работу и присылать деньги семье, в то время как близкие родственники постоянно отправляют к кровникам миротворцев с просьбой примириться. Так продолжается до примирения или трагической развязки конфликта.

Мстителю также должны соблюдаться предписанные для такого случая нормы поведения. Так, согласно правилам ингушского обычного права, нельзя совершать возмездие, когда человек спит, беззащитен —

безоружен, раздет, купается, находится в беспамятстве и др. В народе всегда порицалось вероломное убийство из-за угла, со спины, из засады, без предупреждения.

Нарушение правил кровомщения всячески осуждалось в ингушском быту. И наравне с этим всячески превозносилось прощение крови за случайное убийство. Так, в народе до сих пор превозносят поступок прославленного абрека Суламбека Гороворжева (Гандалоева), простившего невольного убийцу своего брата [Зязиков 2004: 169].

Бывали случаи, когда кровника прощали и за смелость и достоинство. По ингушским обычаям, «кровомститель» должен был не скрывать своих намерений и объявить врагу, что это месть за убийство «такого-то» человека. В народе существует легенда, будто, узнав, что кровник выехал из селения, его мститель отправился вслед за ним. Они ехали около часа, кровник ждал, что убийца его брата оглянется и он сможет его убить, но он ехал спокойно, не прибавляя хода. И когда они приблизились к очередному населенному пункту, кровомститель обогнал своего кровника и сказал: «Почему ты не постарался укрыться и не прибавил ходу, хотя знал, что я преследую тебя? Ты горд и бесстрашен? Ты не боишься возмездия?» Он ответил: «Я знаю, что ты достойный человек и не станешь стрелять в спину». За его смелость и самообладание ему была «прощена кровь» брата [ПМА 2010]. Чрезвычайно интересна полученная нами в ходе полевых опросов информация. Перед лицом общей беды, в трагический день 23 февраля 1944 г., в районе Насыр-Корта было проведено общее собрание всего мужского населения, во время которого на ближайший холм поднимались кровники и всенародно объявляли о своем примирении: «...При всех этих свидетелях я прощаю тебе кровь такого-то покойного». Другой пример, связанный с теми же трагическими событиями. По свидетельству другого нашего информанта, во время остановки поезда по пути в Казахстан, куда вывозились ингуши, он увидел искавшего своего кровника человека, который говорил: «Я хочу простить кровь, подскажите, где такой-то. Если я его не увижу, передайте ему, что я прощаю его» [ПМА 2011].

Нужно отметить, что тюремное заключение и естественная смерть кровника не прекращают кровную месть. О долге крови ингуши говорят: не спеши, но и не забывай. В тех случаях, когда умирает кровомститель, долг мести переходит к его сыну или брату. Случалось, кровь кровника находили через поколения и вину предка искупал даже правнук. Во всех случаях не допускалось убийство женщин и детей.

Кровная месть не имеет срока давности. Н. Ф. Грабовский, изучавший быт ингушей в середине XIX в., писал, что в народные суды поступали дела о кровной мести, при разборе которых выяснялось, что вражда в них длится в течение 100—150 лет и в каждой из враждо-

вавших сторон число убитых доходило до 20 душ [Грабовский 1868: 202]. Поэтому у кавказских народов считается, что лучше решить все вопросы, связанные с кровной мстью, как можно быстрее, чтобы потомкам жилось спокойно. Это одинаково относится как к объекту мести, так и к субъекту. Когда кровник умирает естественной смертью, не дождавшись ни мести, ни прощения, под удар попадают его ближайшие родственники — отец, брат, сын, внук, а если таковых нет, то другие родственники-мужчины, преимущественно племянники покойного.

Полевые материалы свидетельствуют о бытовании этих практик и в настоящее время. Так, 85-летний житель села Ачалуки рассказал, что приехал на родину только в 2003 г., так как он, спасаясь от кровной мести, которая досталась ему в наследство от отца, жил с семьей все эти годы в Киргизии.

С. вспоминает: Я был подростком, когда мой отец в ссоре случайно убил односельчанина. У покойного были маленькие дети и не было близких родственников, которые могли мне отомстить, но его жена не соглашалась на перемирие, говоря, что ее сын, когда тот подрастет, не оставит крови отца. Так продолжалось на протяжении многих лет, наши старейшины неоднократно обращались к семье кровника с просьбой о перемирии, но они не соглашались. Когда сыну покойного исполнилось 18 лет, он сделал попытку убить меня, но судьба была ко мне благосклонна, и я выжил. Боясь преследования, я уехал в другой город и как отшельник жил там, не разглашая места своего жительства. Я боялся не столько за себя, сколько за своего сына. Так продолжалось много лет, пока не умерла мать моего кровника. Узнав об этом, мои родные сговорились со старейшинами рода покойного и решили нас примирить. К этому времени я еще жил в Киргизии и меня попросили приехать на родину для участия в примирении. После длительных переговоров с участием имамов и старейшин мы заключили перемирие и начали жить спокойно, без страха потери близких. Так мы вернулись на родину, расплатившись за то, чего мы не делали [Очерки ЧИАССР 1967: 284].

В роду одного из наших информантов, Б., до 1917 г. был убит глава семейства, у которого остались маленькие дети. У убитого не было родного брата, который мог бы соблюсти обычай кровной мести и преследовать убийцу. Прошло время, дети убитого подросли. Спустя 25 лет сын убитого Б. подстерег кровника Г. и убил его (в конце 1930-х гг.). Существовавшая тогда примирительная комиссия не сумела примирить кровников, и уже родственники убитого Г. искали возможность отомстить за него. Но случилось непредвиденное: спустя много лет сын убитого из рода Б. при случайной встрече убил сына убитого позднее из рода Г. Обеспокоенные сложившимся положением дел, родственники с той и другой стороны обратились в современный шариатский суд с просьбой примирить враждующие стороны и остано-

вить кровную месть, которая тянется уже на протяжении многих лет, вовлекая новое поколение. Рассмотрев дело, суд пришел к выводу, что они должны примириться ради Аллаха и ради своих потомков, дабы не оставлять им такое «наследство». Решение было одобрено обеими сторонами, и наконец, спустя более 80 лет, произошло примирение [ПМА 2011].

Переселение в другое место как форма ослабления мести. За жестокое преднамеренное убийство общество может подвергнуть остракизму родных убийцы. В некоторых случаях старейшины рода предлагают семье виновника трагедии и его близким уехать из места постоянного жительства с целью обеспечить безопасность семьи убийцы. Чаще всего такой вариант предлагается тем, кто волею судьбы стал кровником семьи сильного рода, за которым закрепился термин «жестокое, плохие люди». Последнее не нужно понимать дословно: это род, который не прощает обиду. Ингушская пословица гласит: «Пусть у меня будет кровная вражда с хорошими людьми, чем с плохими — родство». Такие семьи чаще всего бывают непреклонны, и договориться с ними очень сложно. Нужно выждать время, чтобы стихла боль и откипели страсти. В ингушском варианте мести нет победителей и побежденных. Здесь одинаково страдают обе стороны.

Изгнание становится суровым наказанием для семьи, вынужденной покинуть налаженный жизненный уклад и искать новое место жительства, где придется все начинать с нуля. Это мера временная, используется она для того, чтобы избежать дальнейшего развития конфликта. Иногда стороны предпочитают просто разорвать отношения на время, пока виновник происшествия находится в заключении. Все это время родственники и члены примирительной комиссии будут делать все возможное для урегулирования конфликта, и если после окончания срока заключения перемирие не будет достигнуто, то они не смогут вернуться домой. В тех случаях, когда кровникам не удастся примириться, семья виновного на время или навсегда переселяется на другое место жительства. О своей ситуации поведал нам житель селения Плиево. В период Гражданской войны его дед в драке случайно убил односельчанина. Но, будучи больным человеком, он спустя несколько недель скончался естественной смертью, а кровная месть перешла к сыну. Опасаясь мести со стороны кровников, они уехали из Ингушетии. Спустя 40 лет им удалось примириться с семьей потерпевшего, и лишь после этого они смогли вернуться на Родину [ПМА 2011]. Таких случаев в нынешнее время много. Интересен случай, рассказанный художником М. Паланковым:

В конце XVIII в. в Пялинге произошла трагедия, в результате которой погиб один человек. Кровники объявили, что прощение будет достигнуто в том случае, если эта семья уедет из Ингушетии навсегда. Ус-

ловие было принято, и семья уехала жить в Кабарду, изменив свою фамилию. Поскольку сторонам не удалось со временем примириться, им пришлось остаться там жить [ПМА 2010].

Приведем другой случай. Опишем рассказ одного нашего информанта С., которому в 2008 г. было 85 лет. Его отец в конце 1930-х гг. во время ссоры убил своего односельчанина. Старейшины села неоднократно пытались «примирить» семьи виновного и потерпевшего, однако примирения не произошло, поскольку вдова убитого отказывалась примириться с убийцей. У нее были маленькие дети, и она надеялась, что они, когда вырастут, отомстят за убитого отца. Когда сыну покойного исполнилось 18 лет, он сделал попытку убить виновного, но последний остался жив. Боясь преследования, С. вместе со своей семьей уехал в другой город, не разглашая места своего жительства (Киргизия). Через много лет, уже в 1990-е гг., когда умерла вдова убитого, старейшины вместе с местным имамом вновь попытались заключить перемирие. Для этого виновный специально приехал в свое селение. На этот раз перемирие удалось, и в 2003 г. дети виновного сумели вернуться в свое родное селение [ПМА 2010].

А. вспоминает: Я был подростком, когда мой отец в драке убил соседа. Отец сам явился в милицию с повинной, его судили и посадили на 15 лет.

После суда наша семья сменила место жительства, уехав из благоустроенного дома, который был расположен по соседству с кровниками, в другую республику, где нас никто не знал.

Пока отец сидел в тюрьме, мы жили там, не заводя новых знакомств, боясь навлечь на себя беду. Это были годы затворничества и страха за свою жизнь и за жизнь близких. Так продолжалось до тех пор, пока отец, отсидев полностью свой срок, не вышел на свободу. Он был очень болен и не хотел оставлять на нас эту тяжелую ношу, поэтому просил старейшин и имама мечети помочь семьям примириться. Несколько раз семья отправляла посольных в надежде на перемирие, но оно так и не состоялось. Через несколько лет отец умер. Мы надеялись, что теперь, после смерти отца, получить от кровников прощение будет проще. Но переговоры успеха не имели. Семья так и не вернулась в республику, до сих пор мы не знаем, когда туда вернемся [ПМА 2009].

Роль женщины в кровной мести. За убийство, совершенное женой, по адату должен был отвечать муж, женщина у ингушей в делах кровной мести неприкосновенна и наказанию не подлежит.

Но женщина часто играла и играет активную роль в межродовых столкновениях — в одних случаях водворяя мир, в других — разжигая месть. Ингушская пословица гласит: «Из-за одной женщины гибнет девять мужчин». А как известно, полномочия на защиту интересов женщин семьи принадлежат мужчинам, связанным с ними узами

кровного родства. Честь, достоинство и репутация семьи всегда были и остаются незыблемыми для ингуша. Поэтому любое посягательство на нее влечет ответный удар, соизмеримый с нанесенным им противником. Однако есть и примеры, когда сестра мстит за погибшего брата, жена — за мужа, дочь — за отца. Так, Н. Ф. Яковлев в начале XX в. писал:

После убийства вышел однажды убийца с двумя двоюродными братьями во двор своего дома. С дороги увидели их младший брат убитого З. Г. и его родная сестра, старая дева 50 лет, Пугускы. Они оба открыли стрельбу из винтовок по двору врагов [Яковлев 1925: 124].

Этот случай — исключение из правил, но в народной памяти таких примеров много. Хотя женщина как активная мстительница не фигурирует, она может выступать и как «подстрекатель», и как «миротворец». Так, из рассказа одного моего информанта стало известно, что в середине восьмидесятых годов произошло убийство. Пятеро мужчин, имея недобрый умысел, вызвали из дома якобы для личной встречи гражданина Б. и стали его избивать. В результате этой драки один из нападавших, а именно гражданин С., умер. Б. пришел в милицию с повинной. Его осудили на 8 лет, однако после повторного расследования мера пресечения была изменена и вынесен иной приговор: 2 года заключения за превышение необходимой обороны. Примирения сторон не смогли добиться ни под каким предлогом, хотя в примирительной комиссии были авторитетные старцы и почитаемые всеми последователями братства близкие родственники из семьи *овлиа*. По ингушскому адату, как уже было сказано выше, допускается преследование не только самого убийцы, но и близких его родственников. В рассматриваемом случае пострадавшая сторона объявила о кровной мести его семье и семье дяди. В результате круг ответчиков увеличился и близкие родственники вынуждены были уволиться с работы и вести затворнический образ жизни. Отсутствие доходов вынуждало их ежегодно ездить на сезонные работы, чтобы прокормить семью и дать возможность детям-студентам получить образование.

Семья убитого предприняла четыре попытки убийства родственников из рода кровника. Покушались на двух его братьев, дядю и самого убийцу.

Все это время к враждующим посылали примирителей, но они неизменно получали отказ. Распоряжением Р. С. Аушева от 6 сентября 1995 г. были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести [Патиев 2007: 307]. Чтобы предотвратить кровопролитие, местные власти прикрепили к семьям убийц милицейскую охрану на время работы примирительной комиссии. Попытки членов комиссии опять не увенчались успехом, так как после смерти сына мать подстрекала сыновей к исполнению мести. При этом

каждый раз, когда приходили члены примирительной комиссии, клятвенно обещала, что в следующий раз к их приходу она организует встречу с сыновьями и разрешит этот спор, демонстрируя свою добрую волю к примирению. Однако, как выяснилось позднее, она запрещала сыновьям вступать в контакт со старейшинами, боясь их согласия на примирение, и поэтому находила различные предлоги, чтобы они не встретились. А сама тем временем разжигала в сердцах сыновей обиду, подталкивала их к мести, и через 16 лет они убили брата кровника. Мечь могла быть продолжена, так как погиб совершенно невинный человек, но его семья изначально была против кровной мести, и они простили, несмотря на укоры и провокации со стороны родственников. Отец погибшего юноши сказал: «Они потеряли сына, и мы — нет смысла продолжать эту бессмысленную бойню. Я прощаю кровь моего сына ради Аллаха» [ПМА 2010]. Исламские ученые единодушны в том, что и преднамеренное убийство, и непреднамеренное может быть прощено преступнику. «Лучше простить, чем наказать», — говорили богословы [ПМА 2009].

Таким образом, человек и его род имеют выбор: мечь и затем период постоянного страха в ожидании ответной мести или примирение — что для них важнее.

История борьбы с кровной мечью. Обычай кровной мести как пережиток прошлого, вызывал и вызывает неоднозначное отношение в обществе. Значительная часть населения выражала свое недовольство самосудом и ратовала за изживание мести. Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор для искоренения существующего в обществе обычая кровной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 г. [Ингушские народные приговоры 1907: № 97]. Однако это решение не достигло поставленной цели — обычай кровной мести оказался очень живучим.

После установления советской власти в 1920 г. ингуши создали «комиссию по примирению». В задачи комиссии входило объехать все аулы Ингушетии и в каждом населенном пункте произвести примирения всех кровников. Комиссия привлекла к своей работе наиболее уважаемых местных жителей, духовенство и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Согласно обстоятельствам дела и обычаям, комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками.

После расследования всех обстоятельств дела и установления размеров «выплаты за кровь» комиссия организовывала сам обряд примирения, строго придерживаясь всех обычаев старины. Только строгое соблюдение адата должно было связать мстителей и обезопасить ответчиков от новой вспышки вражды. В противном случае мстители всегда могли бы сослаться на недействительность примирения и снова начать преследование убийцы [Яковлев 1925: 122].

Между тем обычай кровной мести продолжал бытовать. Советское государство наряду с культурно-воспитательной работой вело борьбу с пережитками прошлого мерами уголовно-правового характера. 5 ноября 1928 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести». Постановление дополняло Уголовный кодекс Российской Федерации новой главой: «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта»:

В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. Примирительные комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести [Собрание Узаконений 1928: № 141].

Распространялось постановление ВЦИКа «на автономные области, краевые (областные) объединения и губернии, в которых развит обычай кровной мести» [Лебедева 2005].

В период депортации⁶ кровники ходили вдоль эшелонов, искали своих «обидчиков» и прощали их. Но многие так и остались непрощенными, поэтому сразу после возвращения на родину чеченцев и ингушей, с 1957 г., в каждом районе Чечено-Ингушетии начали действовать примирительные комиссии. Это было не только государственным решением, но и волеизъявлением народа, так как после страшных испытаний, выпавших на долю народа в период ссылки, казалось, что лучше простить кровников и жить в мире, нежели враждовать, тем более что после возвращения многим кровникам приходилось жить рядом. Из полевых материалов следует, что в период депортации народ был поставлен на грань выживания и кровная месть временно была забыта. После возвращения органы власти попытались сделать все,

⁶ В 1944—1957 гг. ЧИАССР была упразднена и преобразована в Грозненский округ в составе Ставропольского края, а ингуши и чеченцы депортированы в Казахстан и Киргизию.

чтобы не реанимировать институт кровной мести, но, как видно, не очень успешно.

Наглядно иллюстрируют работу комиссии по примирению кровников «Материалы примирительной комиссии по селению Сурхахи Назрановского района Чечено-Ингушской АССР», хранящиеся в фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Х. Мальсагова. Из видеоряда следует, какое большое значение придавалось этой работе. В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел — охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР генерал внутренней службы III ранга М. П. Дроздов; председатель республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев; председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения примирения Ильяс Абдулаевич Алмазов [ПМА 2010]. Сколь основательна и масштабна была эта работа, можно судить и по уровню ее всесторонней подготовки. Так, специально для партработников, ответственных за решение этой проблемы в Чечено-Ингушской АССР, по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников» [Леонтьева 2003: № 18].

В эти комиссии входили авторитетные люди: старейшины, прокурор, начальник милиции, мулла. Муса Хадисов вспоминает:

Я был членом одной из таких комиссий. Мы вызывали кровников и с ними беседовали. Бывало, что они отказывались от кровной мести. За это их поощряли: давали машины вне очереди, выделяли земельные участки, могли продвинуть по службе [Светова 2008].

Советское государство не только умело использовало административный ресурс, но и гибко применяло Уголовный кодекс. «Была статья 231 в УК РСФСР 1960 года — „Уклонение от примирения“. Вплоть до 1997 года это считалось преступлением, влекло до двух лет заключения. Применялась она в тех „автономных республиках, автономных областях и других местностях РСФСР“, где сохранялись „пережитки местных обычаев“» (аналогичные положения содержались в кодексах некоторых бывших союзных республик). Наказывалось по этой статье „уклонение родственников убитого от отказа от применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести“. Иными словами, традиционное примирение формально признавалось правовым институтом даже в эпоху всепроникающего советского официоза» [Левинсон 2003: № 18]. Это был сильный рычаг давления на тех, кто не хотел примириться.

Весь комплекс описанных мероприятий по примирению кровников превратил республику в очень спокойный регион: по числу тяжких преступлений она была самой благополучной в Российской Федерации [Леонтьева 2003: № 18].

Вместе с тем нужно отметить, что традиционное примирение по инициативе старейшин было запрещено или заменено советским вариантом обряда примирения кровников, с участием руководителей партийных организаций, милиции, общественности, предусматривавшим немедленный арест убийцы. Таким образом, сельская община фактически отстранялась от вмешательства в дела, связанные с убийствами и другими тяжкими преступлениями. Использование традиционных методов решения конфликтов превращалось, таким образом, в фикцию, в частное дело ответчика и истца. В результате смягчение судебного приговора путем фальсификации обстоятельств преступления, подкуп судей, то есть явления аморальные и в традиционном обществе практически невозможные, становились обыденными. При этом отношение к обычаю кровной мести как к долгу чести оставалось прежним, да и сам обычай не исчез, а продолжал бытовать в видоизмененной, приспособленной к условиям советской действительности форме. Советский вариант обряда примирения кровников, хрестоматийными атрибутами которого являлись стол, покрытый красным сукном, за ним, на фоне портретов вождей пролетариата, партийные авторитеты в кепках-сталинках, а перед столом два горца в папахах, пожимающие друг другу руки, — не имел ничего общего ни со смыслом, ни с ритуальной символикой традиционного обряда. Период с 1928 г. по 1991 г. можно назвать периодом тотальной унификации правовой культуры горцев по советскому образцу [Магомедов 2010: 78].

После распада СССР прежняя система административного и уголовного наказания была ликвидирована. Согласно ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса, отягчающим обстоятельством является совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. В новый УК, по сравнению с прежней формулировкой ст. 102 УК 1960 г. («убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни»), как видно, внесены уточнения; кроме того, в этот пункт включено и убийство на почве кровной мести. В УК РСФСР это был самостоятельный пункт «к» ст. 102 [УКРФ].

В остальных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации его составители обошли этот вопрос как несуществующий. Однако на местном уровне вопрос, как и прежде, очень актуален, ему уделяется огромное внимание и местными органами власти, и духовенством, и обществом в целом. В традиционном ингушском социуме всегда были сильны общинные формы социального контроля, где многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решались на сходах или советах старейшин и примирительными комиссиями. Как справедливо отмечает профессор Я. И. Гишинский, «в традиционных обществах, где сильны общинные формы социального контроля, многие конфликты, включая те, что

Министр Внутренних дел ЧИАССР на примирении кровников в с. Сурхахи

Знатоки шариата и адата

в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин), и, видимо, поэтому показатели многих видов преступности на Северном Кавказе среди национальных субъектов Российской Федерации самые низкие. Так, в 2004 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане был 7,5; в Ингушетии — 9,3; в Кабардино-Балкарии — 10,5; в Адыгее — 11,9 при среднероссийском — 21,9. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью в том же году был в Ингушетии — 5,3; Дагестане — 6,4; Кабардино-Балкарии — 13,2; Карачаево-Черкесии — 20,6 при среднем по России — 39,8. Уровень разбоев составлял в Ингушетии — 10,1; в Дагестане — 7,4; в Кабардино-Балкарии — 15,4 при среднероссийском — 38,5» [Гилинский 2007: 100].

Статистика говорит за себя, на Кавказе еще очень силен контроль антиобщественного поведения. Любой человек, совершивший аморальный поступок, будет подвергнут остракизму. Если семья будет поддерживать его, то и ее постигнет та же участь. В чем она выражается? С этими людьми не будут общаться, и даже когда они умрут, в последний путь их будут провожать только близкие родственники, без соответствующей похоронной обрядности с участием мюридов, родственников и друзей.

Живучесть обычая кровной мести вынуждает местные власти создавать на государственном уровне примирительные комиссии, которые призваны выполнять функции регулятора. Так, с 6 сентября 1995 г. распоряжением тогдашнего президента РИ Р. С. Аушева были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести, 15 сентября того же года утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести» [Патиев 2007: 307]. Эту работу продолжил М. М. Зязиков, а затем и нынешний президент Республики Ингушетии Юнус-бек Евкуров. При администрации президента Республики Ингушетии функционирует отдел по связям с общественностью, который наряду со своей работой занимается и сбором сведений о кровниках. Начальник этого отдела Абдул-Азит Гудантов отметил, что работа его «отдела по примирению ведется совместно с Муфтиятом РИ, известными в республике алимами и уважаемыми старейшинами. А также в нужных местах подключаем родственников, которым трудно отказать в прощении крови, чиновников, которые способны своим служебным положением или авторитетом повлиять на прощение крови, и если необходимо, к переговорному процессу подключается президент Ю. Б. Евкуров» [ПМА 2011].

Вместе с тем основная работа в этом направлении приходится на долю Духовного управления мусульман республики, где ведут тщательный учет примиренчества, вся статистика по кровникам — неофициальная и не подлежит огласке. С материалами этой комиссии работает лично Муфтиятий Иса Хамхоев. В официальном списке

кровников, составленном по различным населенным пунктам Ингушетии на 1 января 2009 г., числилось 180 человек, среди которых не достигнуто примирение. За текущий год в республике примирились около 104 кровников [ПИМА 2010].

В Ингушетии на 2011 г. в состоянии кровной вражды находятся 73 семьи. Казалось бы, количество небольшое, но ингуши — малочисленный народ, и все состоят в родственных отношениях, это тейповая и сложная вирдовая структура. Вражда между 73 погибшими распространяется на родственников по материнской линии, по отцовской, по линии дедов и бабушек и т. д. Это сотни людей, не знакомых ни с погибшим, ни с тем, кто его убил, но вовлеченных в этот магический круг. О вступлении в брак членов враждебных семей не может быть и речи даже после примирения. Крайне редко, но бывают случаи разводов после объявления кровной мести, несмотря на то что в Ингушетии к разводам отношение негативное.

Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в республике созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами общества решают эти сложные вопросы. Местные имамы мечетей и авторитетные члены духовенства принимают активное участие в примирении враждующих сторон. Среди них ныне покойные *Башир Аушев, Суламбек Евлоев, Ведзижев Ваха, Эсмурзиев Мусса* и др. В числе тех, кто активно выполняет возложенную на них миссию *Хазир и Сайфудин Цолоевы, Магомеад Чибиев, Макишарип Султыгов, Султан Белхароев, Сасурко Латыров, Асхаб Барахоев* и др.

Нужно отметить, что работа примирительной комиссии ведется на общественных началах и никак не оплачивается. В состав комиссии входят представители всех населенных пунктов республики — примерно по семь человек от каждого. Это старейшины родов, духовные лидеры и почитаемые в народе люди независимо от их возраста. Члены примирительной комиссии ведут свою трудную и кропотливую работу годами, пока не добьются положительного результата. Значительная часть людей имеют многолетний опыт, и поэтому их привлекают к этой работе, когда хотят получить положительный результат. Каждая семья имеет право выбора людей, которым она доверяет решать вопросы, связанные с примирением семей. Ведь в каждом населенном пункте есть люди, занимающиеся этими вопросами всю жизнь. Главная роль примирительных комиссий — разъяснительно-предупредительная.

Примирение — богоугодное деяние, и поэтому члены примирительной комиссии и днем и ночью ищут слабые стороны каждого рода, чтобы потом использовать их для примирения кровников. Это необходимо для того, чтобы получить положительный результат. Ораторское мастерство, такт, знание адата и шариата позволяют им

Знатоки шариата

решать многие кровные дела. Однако нужно отметить, что примирение происходит часто из-за того, что старшие рода и семьи решились на примирение во избежание кровопролития, даже если некоторые члены семьи не согласны. Это не обсуждается и не оглашается, так как еще сильны устои патриархального уклада ингушской семьи, где решение старшего — закон для младших. Для достижения положительного результата к переговорному процессу подключают авторитетных родственников по отцовской и по материнской линии, которые смогут напрямую уговаривать и приводить различные доводы в пользу примирения.

Примирительная комиссия. «Примирительная комиссия — орган по-своему бюрократический. Все акты примирения протоколируются. В них записывается и количество жертв кровной вражды. Жители села, где происходило примирение, ставят свои подписи как свидетели. Вот цитаты: „Жители села Сагопши Малгобекского района благодарят председателя примирительной комиссии Латырова Сосарко за труд в деле примирения кровников Мержоевых — Холухоевых, Мержоевых — Белхроевых (погибли 8 человек, ранены 2 человека)“; „Жители села Яндаре выражают признательность Латырову Сосарко за примирение кровников пяти тейпов (погибли 7 человек). Сосарко

провел огромную работу по примирению. Да поможет ему Аллах!"; „Семья Батажевых (станция Троицкая) выражает свою глубокую признательность Латырову Сосарко за устранение кровной вражды 50-летней давности и примирение нас с кровниками Алиевыми из поселка Дачное“» [Халип 2004: 04.06].

Как отмечают члены примирительной комиссии, все случаи кровной мести делятся на сложные и простые. «Магомед-хаджи Аушев долгое время был главой примирительной комиссии села Сурхахи. На его счету более 20 удачных „миротворческих операций“. Дела простые, когда человек погиб в ДТП или в драке кто-то ударил его сильнее, чем хотел, словом, все ситуации, где не было умысла убить. В таких случаях перемирия почти всегда можно достичь. Но даже тут сразу почти никогда не прощают, „нужно время, чтоб у человека отболело сердце, мы приходим к нему и просим смилостивиться пять раз, десять, двадцать, капля камень точит, — говорит Магомед-хаджи. — Если человек упрямится, его будут попрекать, что отказал почтенным людям, — чем авторитетней примиритель, тем сложнее отказать“. Другое дело, когда убийство было намеренным, а тем более жестоким, если убил пьяный, это, как и в российском суде, отягчающее обстоятельство. В таких случаях прощают редко» [Джемаль 2009].

Примером может служить еще одна история. В результате дорожно-транспортного происшествия погиб пассажир, а водитель автомобиля остался жив. Семья покойного объявила кровную месть водителю. Обеспокоенные таким оборотом событий, родственники обратились за помощью к старейшинам своего рода с просьбой помочь разрешить конфликт. Для этого они встретились с родственниками покойного с целью решить конфликт мирным путем. Но потерпевшая сторона отказала. Тогда дело было передано на рассмотрение в шариатский суд. Изучив материалы дорожно-транспортного происшествия, члены шариатского суда вынесли единогласный вердикт, что халатность водителя дорожно-транспортного средства, повлекшая за собой смерть пассажира, расценивается, с точки зрения канонов Священного Писания, как непреднамеренное убийство. И предложили для разрешения конфликта выплатить денежную компенсацию семье погибшего. А виновнику происшествия рекомендовали поститься два месяца подряд для искупления вины пред Богом за содеянное [ПМА 2008]. Исламские богословы единодушны в том, что по результату непреднамеренного убийства категорически не допускается наказание виновного в форме смертной казни и тем более кровной мести.

Рассмотрим случай умышленного убийства:

Вызвав такси к углу поликлиники, 4 пассажира сели в машину, все были из нашего села, водитель — из другого. В безлюдном месте они связали водителя, угрожали ему, хотели убить. Выбросили его из ма-

шины и уехали. Спустя некоторое время машина была обнаружена, и все участники нападения были разоблачены. Дело было передано в шариатский суд. Но нужно было урегулировать конфликт между всеми обвиняемыми и пострадавшей стороной. Для этого собрались старейшины от всех 4 родов, к которым принадлежат преступники, и приехали к старейшинам из рода водителя с просьбой простить их и примириться. По ингушскому адату посягательство на личную собственность карается вплоть до смертной казни, поэтому примирительная комиссия во главе с имамом мечети сделала все, чтобы примирить враждующие стороны. Родственники категорически не хотели прощать обиду и собирались отомстить. Глава нашей делегации буквально умолял представителей того рода, чтобы они простили, но те были категорически против. И тогда имам мечети сказал: «Земля крутится, завтра может быть такая ситуация, что вы уже обратитесь к нам. Неизвестно, что будет, — у тебя тоже будут проблемы. Сегодня представители нескольких тайпов просят у тебя прощения. Неужели их мольбы могут не затронуть твое сердце?»

Именно эти слова оказали главное влияние на ответ: тот сказал, что ради Аллаха прощает и больше не держит зла [ПМА 2010].

При гибели пешехода или пассажира по вине водителя учитываются обстоятельства происшествия. В таких случаях за основу берутся результаты государственной автоинспекции, с учетом последних выносится вердикт. Но если человек умер по вине пьяного водителя, родственники погибшего имеют право требовать любую сумму денег. Пьяный человек нарушает не только правила дорожного движения, но и нормы шариата, ведь алкоголь мусульманину запрещен. Если водитель был в нетрезвом состоянии, то сумма откупа может быть назначена с учетом норм шариата.

До полного выздоровления больного потерпевшая сторона перекладывает все расходы, связанные с лечением пострадавшего, на виновника происшествия. Но в некоторых случаях пострадавшая сторона, зная тяжелое материальное положение виновника, отказывается принимать его помощь, желая тем самым облегчить его участь. Так, например, в аварии пострадали четыре врача, получив тяжелые увечья в результате ДТП, но от помощи со стороны родных водителя они отказались, зная о его тяжелом материальном положении, — он подрабатывал в гуманитарной миссии водителем. Однако если бы дело было передано в шариатский суд, то они получили бы материальную компенсацию за причиненный здоровью ущерб [ПМА 2010].

Другой пример. Произошла авария, столкнулись две машины — одна новая, другая старая. В новом автомобиле сидели два брата — один за рулем, другой рядом. Водитель скончался на месте, а его брат получил многочисленные переломы и ушибы, но остался в живых, других свидетелей этого ДТП нет. Водитель старой машины погиб на

месте. ГАИ обвинило водителя старой машины. Обвиняемая сторона обратилась в шариатский суд, так как считала, что решение, вынесенное ГАИ, получено вследствие подкупа правоохранительных органов. Шариатский суд предложил принести очистительную клятву на Коране оставшемуся в живых свидетелю происшествия.

При рассмотрении вопросов кровной мести или любых других преступных действий привлекаются знатоки как адата, так и шариата, чтобы понять, чем руководствовался преступник при совершении того или иного поступка.

Рассмотрим еще один пример. В сумерках водитель легковой машины из фамилии Х. сбил старика из фамилии Б., идущего вдоль трассы. Водитель оказал первую помощь и отвез пострадавшего в больницу. В свою очередь близкие родственники водителя Х. приехали в больницу и одновременно к родным старика Б. — сообщить о случившемся. С первого дня и они, и сам водитель дежурили в больнице. Они проявили свое участие и отправили своих старейшин с дипломатической миссией. Однако родственники Б. лишь ответили: «О чем-либо говорить, когда наш отец в таком состоянии, мы не намерены». Две недели старик лежал в реанимации и умер. Утром в день похорон снова появились старейшины с дипломатической миссией и получили следующий ответ: «Мы хороним своего человека. Никаких разговоров пока быть не может». После того как тело покойного увезли на кладбище, в 12 часов дня снова появились старейшины-дипломаты, а многочисленная родня водителя Х. остановилась на значительном расстоянии от дома — метрах в 500—700. Старейшина рода и члены примирительной комиссии направились во двор погибшего. Выразив сочувствие по поводу гибели старика, мулла начал спокойную речь, в которой просил милосердия друг к другу, прощения кровника, который стал им из-за роковой случайности. «Нас, ингушей, мало, — начал он свою речь. — Между нами много родственных связей. Мы все родственники друг другу. Мы все вместе пережили тяжелые трагедии народа. Мы нелегко жили в горах, мы теряли близких и родных в депортации, мы умели быть сильными, когда требовали обстоятельства. Быть милосердными — это и быть мусульманами в душе. Аллах прощает тех, кто прощает на земле...» И дальше о том, что это была трагическая случайность, произошедшая в сумерках, когда водитель не мог ожидать вдоль трассы идущего человека.

Мулла говорил сидя. Все стояли вокруг и слушали. Затем выступил старейшина из рода Б. Он говорил чуть меньше, но, выразив сочувствие по поводу случившегося, сказал, что во имя Аллаха, во имя покойного они прощают убийцу. Ни сыновья, ни жена умершего, ни дочери ничего не говорили, а молча стояли в гуще людей. Старший сын — во втором ряду среди близких родственников.

Далее старший рода сказал, что родственникам водителя можно подойти к дому Б., а пострадавшей стороне нужно выйти им навстречу и стать вдоль дороги. Возглавили эту группу мулла и старейшины, за ними — старшие мужчины и в конце колонны — молодежь. В той же последовательности стала и обратная сторона, дожидаясь процедуры примирения. Получив знак, они, склонив головы, подошли к мужчинам из фамилии Б. и, выражая формулу соболезнования, прошли через всю группу ожидавших примирения.

Затем без лишних эмоций родственники Б. вошли во двор, старейшины сели, молодые остались стоять. Родственники Х., выждав паузу, в возрастном порядке широкой групповой колонной вошли во двор для выражения соболезнования всем родным, после чего мулла сказал слова благодарности, связывая это с именем Аллаха. Все это происходило в то время, когда на кладбище хоронили старика. Ко времени возвращения участников похорон и продолжения обрядового процесса после погребения «кровь была прощена». На протяжении трех дней похорон Х. принимали участие в трапезных расходах [ПМА 2010].

Процедура примирения. Примирение в разные исторические периоды имело свои особенности. Так, в XIX в. «убийца, желающий примириться с родственниками убиенного во избежание мщения, приходит к беголу⁷, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегола, коего жилище мстителем неприступно. То же самое, ежели убийца был в побеге за пределами отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения» [Бутков 2001:13].

Другим средством примирения служило установление молочного родства:

Убийца тайком пробирается к матери убитого и с ее согласия или при помощи насилия прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, то есть роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода [Леонтович 1883: 157].

Избежать кровной мести можно было еще одним способом:

Любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за очажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники [Леонтович 1883: 157].

Эти средства примирения кровников были весьма редки, так как ингуши воспринимали их как унижающие честь и достоинство муж-

⁷ Бегол — глава общенародного правления (XIX в.).

чины. Они были характерны в языческий период и отражали адатные нормы.

Кроме вышеописанных способов насильственного примирения, существовало официальное примирение. Для этого «убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он, кровник, с повинной головою, в полном отчаянии, с разбитым сердцем и слезами на глазах, лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощения. До прихода родственников убитого, которые, будучи подстрекаемы женщинами, умышленно тянут дело, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними» [Далгат 2004:104]. В разные исторические периоды обряд примирения менялся. Об этом можно судить по материалам опубликованных источников. К. Б. Шетихин описывал процедуру примирения так:

На кладбище на высоком месте закреплялся флаг, а вокруг кладбища ходили родственники убийцы с разноцветными флагами (белыми, красными, синими, желтыми и зелеными), совершая духовную процессию. В это время убийца лежит на могиле и громко кается в совершенном преступлении и просит у покойного прощения, а родственники убийцы ходят вокруг кладбища и поют молитву; ходатайствуют перед родственниками убитого о прощении и примирении кровников посредники из сторонних фамилий, такая церемония может продолжаться до трех дней [Шетихин 1898: № 152].

С принятием ислама формы примирения претерпели различные изменения. Современное примирение происходит в окрестностях соборной мечети, но в молитвенном доме и во дворе мечети допускается только молебен, а прощение крови должно происходить за его пределами. Поэтому процедуру примирения назначают после дневной пятничной молитвы, так как в это время там собирается огромное количество прихожан. По ингушским обычаям, женщина не посещает мечеть, следовательно, нет и традиционного деления на женскую и мужскую половину. Женщины не присутствуют там ни в качестве свидетелей, ни в качестве участниц этой церемонии. На примирении кровников присутствуют только мужчины. Глава рода объявляет, что с этого момента к убийце претензий нет, он прощает кровника и обнимает его,

клятвенно заверяя, что если когда-либо и где-либо кто-то из родственников убитого нарушит сегодняшнюю договоренность, то род убитого за этого нарушителя ответственности не несет. Это отклонение от нормы, и случается оно крайне редко. От таких людей общество отрывается, став клятвоотступниками, они становятся изгоями.

После объявления о прощении по знаку посредников появляется группа мужчин во главе со старейшинами рода и членами примирительной комиссии. Они направляются в сторону пострадавшего рода медленно, с опущенными головами, молча. Мужчины становятся в шеренгу, кровники подходят к каждому из них, пожимают руку, обнимают и говорят: «Я прощаю тебя ради Аллаха (*аз пха битар хИона Даьла духь*)», затем они обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром [ПМА 2010]. Нужно отметить, что в примирении кровников участие непосредственного виновника не обязательно. Поэтому в большинстве случаев на процедуре примирения самого обвиняемого не бывает, тогда как в соседней Чечне это является одним из обязательных элементов обряда примирения кровников.

Каждое примирение приносит облегчение многим участникам конфликта, так как одним не надо больше скрываться, а другим — бесконечно искать убийцу. По шариату это самое богоугодное деяние, и поэтому самую значительную, трудоемкую и ответственную часть работы берет на себя ингушское духовенство. Существование примирительной комиссии на территории Республики Ингушетии свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии.

Значительная часть нравственного воспитания и духовно-просветительской работы с населением проводится во время ритуала примирения кровников. Большое морально-психологическое воздействие на население оказывает местное телевидение, которое транслирует на канале «Вести» процедуры примирения. Эти видеоматериалы позволяют донести до населения важность и значимость прощения. Основной упор делается на том, что на простивших кровь близких ради Аллаха лежит особая благодать. Трактуются это так:

В судный день Аллах попросит встать рядом с ним тех, кто отказался от мести ради него. И скажут остальные, чем они заслужили такую награду. Он ответит — это те, кто заслужили рай, так как простили кровь близких ради меня [ПМА 2010].

Подобных высказываний из Корана на примирении бывает много. Исследователи шариата утверждают, опираясь на Коран, что Священное Писание не поощряет кровной мести [Сюкияйнен 1999: 82] и что у родственников убитого есть выбор: мстить или простить.

Примирительная комиссия ставит своей целью решить конфликт через переговорный процесс, она не занимается воспитанием или пе-

ревоспитанием кровников, но при этом она проводит на местах огромную воспитательно-разъяснительную работу о недопустимости кровной мести. Очевидно, что на данный момент обычай кровной мести находится в стадии трансформации; при этом многие жители Ингушетии считают его негативным явлением и хотели бы, чтобы он прекратил свое существование. Вместе с тем система социального регулирования в республике явно нуждается в дополнительных механизмах контроля, помимо УК Российской Федерации. Попытаемся разобраться, почему местное население бывает не удовлетворено уголовным наказанием, предусмотренным уголовным кодексом РФ, и находит свое удовлетворение в примирении по местному адату. Как известно, кровная месть в 2 % случаев заканчивается смертельным исходом и в 60 % — примирением без кровной платы, «ради Аллаха». Следовательно, люди руководствуются не желанием пролить чужую кровь, не желанием наживаться на этой трагедии, а желанием наказать группу, к которой принадлежит убийца. Ведь в суде преступник несет индивидуальную ответственность за содеянное, но его семья, род, религиозное братство, в котором он состоит, не подвергаются никакому наказанию, тогда как по местному адату наказывается вся родственная и духовная община, здесь все еще сохраняется групповая ответственность за каждого члена социума. Каждый ингуш знает, что за убийство должен будет ответить не только он сам, но и его близкие.

Обида, направленная против одного индивида, касается в целом и его группы, ставя его в положение некоего обмена с обидчиком и его группой: эти последние уже приняли на себя долг в отношении оскорбленного и его группы, неизбежным следствием которого является обязательство тяжело отомстить оскорбителю и его группе [Рулан 2000: 174].

Существование примирительной комиссии на территории Республики Ингушетии свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии. Права человека могут быть закреплены в законодательстве той или иной страны, но для их реализации необходимо их соблюдение, исполнение, использование. Простое закрепление в уголовном законодательстве квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за убийство по мотиву «кровной мести», не останавливает мстителей. Следовательно, в современной России и в регионах Северного Кавказа назрела необходимость противодействия преступности путем постепенного введения новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда, тем более что восстановительное правосудие имеет корни в традиционных процедурах примирения ингушского народа и нет необходимости в значительной профессиональной подготовке для ведения примирительных про-

цедур. Но для официального признания этих институтов предстоит преодолеть монополию правоохранительных органов и судов на конфликты и криминальные ситуации и восстановить доверие к исторически сложившимся в ингушском обществе местным традиционным общественным институтам.

Демократическое общество должно строиться не только на основе личной инициативы граждан, но и с использованием потенциала традиционных норм. При этом контролировать наше поведение должны не только новые нормы, но и традиции и обычай [Меликишвили 2003:19]. Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности [Путин 2012].

Умыкание девушек с целью женитьбы

Похищение невесты, или брак умыканием, было распространено во многих странах мира и еще бытует в некоторых регионах Российской Федерации. К числу последних относится и Ингушетия.

Обычное право ингушей (адат) признает легитимность заключения брака не только через официальное сватовство, но и умыканием — «кражей невесты». Брак уводом имеет разновидности: а) увод с согласия девушки; б) увод девушки насильственным путем.

К первому сценарию прибегали в тех случаях, когда по каким-либо причинам родители согласия на брак не давали, хотя известны и случаи, когда родители, во избежание лишних затрат, сами негласно соглашались на подобный брак.

В старину бывали случаи, когда девушки годами были засватаны и готовили себе приданое, а жених собирал калым. Из полевых материалов следует, что умыкание в некоторых случаях диктовалось самими жизненными обстоятельствами. Так, одна девушка просидела засватанной 10 лет, а ее несостоятельный жених не мог скопить нужную сумму калыма. Жених и невеста решили, что годы уходят безвозвратно и им нужно самим решить свою судьбу. Для этого в назначенное время молодой человек в сопровождении друзей приехал в условленное место, «украл» девушку и увез к знакомым. Родственники с обеих сторон, зная причину, побудившую их к такому поступку, не осудили их и примирились [ПМА 2010].

Но бывали случаи, когда родители девушки не давали ей согласия на вступление в брак с ее избранником. В таких случаях, если вопрос

не решался в течение трех дней, имам мечети того селения, где проживала семья девушки, брал на себя обязанности отца девушки и в присутствии двух свидетелей совершал оформление брака. Имам получал выкуп за невесту (*дехар*) и отдавал его родителям. Родителям не оставалось ничего иного, кроме как смириться. В таких случаях свадьбу справляли только в доме жениха.

После любой «кражи» невесты, с согласия или нет, к родителям девушки отправляется посыльный, который ставит ее семью в известность о случившемся. В настоящее время, как и в прежние времена, для выяснения обстоятельств похищения к девушке привозят почетных стариков во главе с муллой и близкую родственницу невесты. Они обязательно должны увидеть девушку и узнать, давала ли она согласие на умыкание. Если девушка отвечает положительно, они отправляются к ее родителям и сообщают о добровольном выходе замуж их дочери и о необходимости примирения (*тоам бе*). Известны случаи, когда насильно украденные девушки давали согласие на брак только лишь из-за боязни за жизнь родных, которые могут прибегнуть к мести. Понятие «преступление» у ингушей подразделяется на две категории — морально-нравственную и материально-физическую [Харсиев 2009: 100]. Месть за кражу девушки возникает именно из-за нанесенного семье девушки морально-нравственного урона, который чаще всего стремились возместить посредством материальной компенсации — и это почти всегда удавалось. Труднее всего достигнуть примирения после кражи девушки, засватанной другим мужчиной. Это очень большое оскорбление, за которым могла последовать месть, а в лучшем случае — материальная компенсация. В этом контексте примечателен пример, приведенный Б. К. Далгатом во второй половине XIX в. Он отмечал, что похититель должен был жениху за нанесенное оскорбление 90 коров, а отец украденной, за то, что он не сдержал данное при сватовстве слово и не уследил за дочерью, — еще 40 коров. Но оскорбленный мог не принять материальной компенсации и преследовать похитителя кровной мстью [Далгат 2008: 186—187].

В тех случаях, когда девушки категорически отказывались от брака, их возвращали родителям. Но перед тем как вернуть девушку родителям, похититель должен был дать очистительную присягу в том, что за время, пока девушка находилась с ним, ничего противоправного с ней не произошло и она, так же как и до кражи, целомудренна и честь ее им не запятнана. К такой присяге прибегают в тех случаях, когда возвращают родителям насильно «украденную» дочь. Но как бы парадоксально это ни выглядело, только очистительная присяга похитителя дает девушке «свободу», без которой она не может вступить в брак ни с одним другим мужчиной, кроме него. Поэтому не все мужчины соглашались дать украденной девушке свободу.

Материалы полевых исследований проливают свет на многие процессы, происходившие в ингушском обществе и еще бытующие в настоящее время. Для нас интересен случай, который произошел в 1968 г. с выпускницей Северо-Осетинского медицинского института. Девушка была украдена жителем селения Али-Юрт Б. Когда к ней приехали родственницы, как принято в таких случаях, чтобы узнать, согласна ли она, девушка ответила «нет». Тогда мулла забрал ее домой и передал родителям. Молодого человека задержали и осудили на 8 лет. Зная местные обычаи, парень, укравший девушку, отказался принести очистительную присягу. Долгих восемь лет девушку никто не сватал, зная, что если кто-то и решится на брак с ней, он может быть убит, так как она не свободна. Вернувшись из мест заключения, Б. не захотел дать девушке освобождение, так как он отсидел из-за нее такой большой срок. Он неоднократно засылал сватов и угрожал ей. Девушка не соглашалась выйти за него замуж, так как все эти годы ее ждал другой молодой человек, который хотел на ней жениться и ждал развязки событий.

Мусульманская правовая система осуждает и не признает брак, заключенный без согласия девушки. Бракосочетание должно происходить с согласия жениха и невесты и их родителей.

Родители девушки обратились к старейшинам рода и членам духовенства с просьбой решить этот вопрос. Выслушав обе стороны, те вынесли решение, соответствующее нормам шариата, ведь насильственный увоз девушки с целью женитьбы недопустим по канонам ислама. Мусульманка должна выходить замуж с позволения и благословения родителей, официально оформив брак в соответствии с нормами ислама [Жеримов 2007: 130—131]. Тогда родители девушки сыграли свадьбу и выдали ее замуж без согласия Б. и его очистительной присяги. Однако молодожены, боясь мести со стороны Б., уехали из Ингушетии [ПМА 2010].

В рассмотренном примере молодой человек мстил девушке за отказ выйти за него замуж и в наказание не давал очистительной присяги, которая по адату ингушей имеет силу. Но родители решили эту проблему по закону шариата и выдали дочь замуж.

Обычай умыкания невесты оказался удивительно живучим, несмотря на то что он в корне противоречит исламу и не одобряется многими членами общества. Самое любопытное, что приверженцы подобных обычаев искренне считают их аутентично исламскими, тогда как ислам признает только брак, заключенный с соблюдением всех необходимых ритуалов свадебной обрядности. Обычай «кражи невест» относится к адатным нормам права и должен быть изжит из жизни современного ингушского общества как противоречащий шариату и законам Российской Федерации, считают многие жители республики. Вместе с тем нельзя не учитывать причин его бытования, во

многим обусловленных низким уровнем благосостояния населения Ингушетии. Молодые люди, вставшие перед выбором спутницы жизни, не могут руководствоваться только чувствами, но должны учитывать еще и отсутствие нужной суммы калыма и расходы на проведение свадьбы.

С этими же проблемами сталкивались и предки современных ингушей, которые на Совете страны (Мекх кхел) неоднократно принимали решения по искоренению умыкания невест. Позже, после установления советской власти, в уголовном кодексе РСФСР (1928) похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак наказывались лишением свободы до 2 лет [Смирнова 1983: 125]. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году [Бобровников 2003: 5].

В советском законодательстве велся учет местных особенностей, но он был направлен на постепенное изживание устоев, которые не соответствовали новому курсу, направленному на развитие и поступательный прогресс. В нынешнем законодательстве есть только общее положение о похищении людей [Иванов 2012].

Такой адат настолько вжился в канву традиционно устоявшихся отношений в ингушском обществе, что вытеснить его из жизни народа, как и любой другой неисламский пережиток, крайне непросто. Но общество всеми доступными средствами борется с этим обычаем.

Калым

Калым по адату выполнял функцию выкупа невесты у родителей. Теперь калым не предусматривает доли для родителей и весь используется на покупку приданого для невесты. Эта функция калыма ближе к нормам шариата, рассматривающего эти платежи как предбрачный дар самой невесте, на случай вдовства или развода [Керимов 2007: 130]. Богатые мужчины выплачивали калым сами, а бедным помогали родственники [Далгат 2008: 190].

Сумма выкупа могла варьировать. Если был совершен брак уводом, калым мог быть гораздо выше, чем за засватанную девушку. Кроме установленного калыма совершивший увод обязан был платить за бесчестье, нанесенное семейству, из которого похищена девушка, если на то не было ее согласия [Грабовский 1876: 21]. Иллюстрацией данным общественным явлениям служит рассказ А. А. Александрова, опубликованный в 1905 г. в газете «Терские ведомости». Молодой человек похитил девушку без ее согласия. Родные потребовали калым: 500 рублей деньгами, 2 лошади и 50 баранов. Жених, не имевший возможности выплатить указанную сумму, вынужден был вернуть девушку. Родственники за нанесенное оскорбление убили несостоявшегося жениха [Александров 1905: 272].

Размер калыма всегда был болезненным вопросом и почти все общественные «приговоры» заканчивались обсуждением и изменением суммы брачных платежей. Наиболее наглядно эти процессы иллюстрируют материалы письменных источников XIX в. Так, В. Н. Акимов писал, что калым в прежние времена выплачивался не деньгами, а скотом — 18 коров за невесту. Однако с 1863 г. родители невесты должны были получать фиксированную денежную сумму — 105 рублей [Акимов 1888: 145]. В 1879 г. калым за невесту в селении Ляжги горной Ингушетии составлял уже 200 рублей [Вл. К-нь 1900: 95]. Такая сумма была достаточно большой для рассматриваемого периода, потому выборные от ингушского народа в 1879 г. собрались для обсуждения этого вопроса. Они отмечали, что непомерно высокая плата за невесту и значительные траты на организацию свадебного угощения приводят к скотокрадству и конокрадству. Заклад деньгами при сватовстве составлял 50 рублей и 18 коров, на угощение должны были быть приготовлены 1 бык и 1 баран, а также пиво, арака. В целом необходимые затраты, даже для бедного, составляли 500 рублей, для богатого же эта сумма достигала 1000 рублей. Выборные от народа пришли к выводу, что «бремя калыма, освященное временем, грубым произволом, деморализует наши нравы и гнетет нас до того, что бедный класс молодежи, не имея собственных средств к уплате такого большого калыма и не желая век оставаться безбрачными, волею-неволей промышляет воровством, а такое занятие хотя и крайне безнравственно и порочно, но в нашей среде воспитывается как удаль и молодечество и, само собой разумеется, вредно отражается на нравственности населения; особенно этим увлекаются страстные натуры молодых бедных горцев, готовых на все жертвы и опасности жизни». Исходя из вышеизложенного, общество приняло решение об отмене прежнего произвольного размера калыма и установило одинаковую плату в размере 105 рублей суммарно деньгами, вещами и скотом. Контроль за исполнением „приговора“ возложили на местных старшин» [З-бов 1879: № 19]. Но и такая сумма не осталась четко фиксированной и не всеми членами общества поддерживалась.

Размер калыма по адату мог варьировать в зависимости от того, состояла ли невеста ранее в браке. По Ф. И. Леонтовичу, калым за девушку составляет 21 корову, за вдову же — только 12 коров [Леонтович 1882: 117]. Позже, в 1889—1890 гг., эти вопросы были пересмотрены, а за несоблюдение установленного размера калыма были введены штрафы. Некоторое время ингушское общество придерживалось принятых решений, но постепенно стало отходить от них [Кудусова-Долакова 2005: 148]. За богатую девушку платили калым в большем размере, чем за бедную, но не во всех местностях. Так, Л. В. Малинин отмечал, что у назрановцев выкуп за невесту был одинаковым во всех

селениях и равнялся 18 коровам ценою по 10 руб. каждая [Малинин 1890: 30].

Сумма выкупа за невесту изменилась в 1907 г. в связи с принятием нового «приговора», ограничивавшего размер калыма 25 рублями в соответствии с требованиями шариата. Об этом сообщалось в «Терских ведомостях» в статье «Ингушские народные приговоры» [Ингушские народные приговоры 1907: 3].

После установления советской власти по новому законодательству калым был отнесен к числу преступлений, составляющих пережитки местных обычаев. Следовательно, все вопросы, связанные с калымом, решались в узком кругу. Сумма калыма не была четко фиксированной. Все решалось по обоюдному сговору родителей, без огласки, так как, в соответствии с законодательством, за уплату или получение калыма их могли лишить свободы или привлечь к принудительным работам сроком до 1 года [Собрание 1983: 125].

После образования Республики Ингушетии была легализована работа ингушского духовенства, начали функционировать советы старейшин. На конференции мусульман Республики Ингушетии в 1999 г. был установлен размер калыма — 2 тыс. долларов. 5 июля 2010 г. на конференции мусульман Ингушетии сумма калыма была пересмотрена, так как многие выражали недовольство его размером. Они отмечали, что десять лет назад доллар стоил 5 руб., а сейчас курс изменился и доллар стоит 30 руб. В результате обсуждения было принято решение: назначить калым в размере 40 тыс. рублей [Албогачиева 2011б: 482].

Нужно отметить, что калым в таком объеме берут не все родители. В некоторых семьях предпочитают ограничиться 25 рублями, да и их берут только потому, что по шариату для регистрации брака девушка должна получить предбрачный дар [Дзарахова 2009: 69].

Полигамия

Полигамия бытовала в ингушском обществе еще до принятия ислама. Ингушский адат позволяет многоженство. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, так как одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежащими на ней хозяйственными обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна [Далгат 1998: 356]. Принятие ислама не ограничило полигамию, так как, согласно Корану, мусульманину разрешается иметь до четырех законных жен при условии, что он может одинаково обеспечить их как морально, так и материально. Но с существенной оговоркой: «Если вы это не можете, то женитесь на одной» (Сура «Ан-Ниса», аят 3). Эту последнюю часть

суры Корана мало кто из многоженцев принимает в расчет. Ведь выполнить предписание Священного Писания полностью в состоянии лишь немногие. Поэтому даже в мусульманских странах, где многоженство легализовано, к этой форме брака прибегают нечасто. Нельзя рассматривать ее как широко распространенное явление и в среде ингушей. Лишь немногие мужчины могут позволить себе повторный брак еще и потому, что это связано с дополнительными расходами на всевозможные праздники родственников жены и посещение похорон и поминок, где зять выступает одной из самых главных персон. Зять обязан делать самые дорогие подарки и угощения, расходовать большие суммы на всех мероприятиях. А это многим не под силу.

В 1926 г. в Ингушетии на 100 женатых мужчин приходилось 111 замужних женщин [Тусиков 1926: 55]. Следовательно, полигамия широкого распространения не имела. Октябрьская революция с самого начала поддерживала местные обычаи и традиции, но уже после 20-х гг. началось повсеместное введение новых правил, регулирующих жизнь общества. В октябре 1924 г. вторая сессия ВЦИК приняла дополнительную главу Уголовного кодекса России «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта» [Патиев 2007: 97]. Уголовный кодекс РСФСР в окончательной редакции был опубликован и вошел в силу в 1928 г., в нем предусматривалось наказание за многоженство — принудительными работами сроком до 1 года или штрафом до 1000 рублей [Собрание 1983: 125]. Об этом периоде одна информант рассказывала, что ее бабушку украли в 15 лет, чтобы сделать второй женой, так как у первой жены на протяжении 12 лет не было детей. Но девушка не была согласна, и ее вернули родителям, а похитителя посадили в тюрьму. Ее похититель в отместку не стал давать очистительную присягу, она ждала его возвращения и через год вышла за него замуж [ПМА 2010]. Но бывали и более трагические ситуации, когда за насильственный увоз девушки похититель подвергался гонениям и при случае даже мог быть убит. Схожий случай описан в начале XX в. одним туристом, ставшим очевидцем трагических событий. Молодой мужчина, имея жену и двоих детей, безрассудно влюбился в девушку из соседнего села и, не совладав с чувствами, против воли девушки похитил ее. Родственники девушки потребовали за нее калым 500 рублей деньгами, 2 лошади и 50 штук баранов. Похититель, не будучи в состоянии выплатить калым, вынужден был спустя несколько дней вернуть девушку. За нанесенное оскорбление родственники убили несостоявшегося жениха [Александров 1905: № 272]. К сожалению, с годами форма наказания за подобное преступление почти не изменилась. Так, в 1999 г. с автобусной остановки была украдена девушка. Ее похититель был женат, но у первой жены не было детей, поэтому он

решил взять в жены другую. Девушка не знала этого человека и категорически отказалась выйти за него замуж, ее вернули, но через несколько дней родственники девушки убили похитителя, несмотря на то что эти действия в корне противоречат законам шариата [Керисов 2007: 133]. Живучесть адата сильна. Это единичные случаи, но они еще встречаются в ингушском обществе, несмотря на огромную работу, проводимую духовенством республики относительно неприкосновенности личности, ее прав и свобод и т. д.

Многоженство не распространено среди ингушей, но его бытование нельзя игнорировать. При сложившейся в нашем государстве системе брачных взаимоотношений иметь вторую жену очень сложно, так как из-за отсутствия официальной регистрации она будет ущемлена во многом (жилплощадь, наследство, регистрация рожденных детей и многое другое). В полигамном браке, как известно, все должно быть по справедливости: и деньги, и время, выделяемое на жен, и право наследования — это по шариату. Что касается официальной регистрации брака, то она необходима для установления правовых отношений скорее с государством, нежели с мужем, но в то же время штамп в паспорте — катализатор ощущения ответственности.

Регистрация брака многоженцев стала возможна после введения президентского Указа Р. С. Аушева от 19 июля 1999 г., который гласит: «В Республике Ингушетии граждане мужского пола вправе заключать до четырех браков с лицами женского пола, не состоящими в браке». Предполагалось внести в Государственную думу Российской Федерации в качестве законодательной инициативы проект федерального закона о внесении дополнения в статью 14 Семейного кодекса РФ, исходя из положений принятого Указа [Патиев 2007: 331]. Хотя на общегосударственном уровне вопрос не был решен, но, основываясь на вышеупомянутом указе, в Республике Ингушетии официально зарегистрировали множество подобных браков. Получив правовое оформление, этот процесс начал интенсивно развиваться.

Женщин в Ингушетии больше, чем мужчин, а старая дева никому не нужна. В ингушском обществе, если у супруга нет детей, то муж, не разводясь с ней, берет вторую жену [Арапханов 2004: 79].

Этот аргумент наиболее часто приводился сторонниками многоженства.

В период действия указанного документа в Ингушетии находились сотни тысяч внутриперемещенных лиц из Чеченской Республики и вынужденных переселенцев из Республики Северная Осетия-Алания [Султыгов 2004: 81]. Женщин, готовых вступить в брак, было предостаточно. На этой волне многие мужчины обзавелись несколькими же-

нами. Женщина, не согласная на это, разводилась, не желая жить с мужем, который привел вторую или третью супругу.

Спустя пять с половиной лет, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетии №11-РЗ [Патиев 2007: 331] этот указ был отменен в связи с полным противоречием его законодательству Российской Федерации. За этот период в Ингушетии успели оформить браки большое число «многоженцев». Все спорные вопросы, связанные с бракоразводными процессами такого характера, решаются только в шариатском суде, так как в законодательстве РФ нет соответствующей правовой базы [ПМА 2009].

Необходимо подчеркнуть, что в Ингушетии сложилось негативное отношение к полигамному браку. Вместе с тем можно полагать, что в чем-то эта практика себя оправдывала. В республике существует явная диспропорция между мужской и женской частями населения — и не в пользу мужской части, это связано с тем, что многие мужчины уезжают на учебу, работу за пределы республики, там женятся и там остаются жить. Об этом свидетельствуют и данные Госкомстата Республики Ингушетии (2005): на 1 тысячу женщин в возрасте 16 лет и старше приходится 372 женщины, никогда не состоявшие в браке, — это самые высокие показатели в России. Для ингушек, проживающих в республике, не остается возможности выйти замуж, и многие согласны стать второй, третьей или четвертой женой, часто с одной лишь целью — завести ребенка. Ведь, по ингушским обычаям, женщина не может иметь внебрачных детей, замужество с иноверцем или представителем другой национальности также не предусмотрено адатом, хотя по шариату таких ограничений нет, лишь бы был мусульманином. Влияние адата очень велико, и многие ингушки на всю жизнь остаются старыми девами, так и не создав семью. Хотя и в ингушской среде есть исключения из правил, и незначительная часть женщин выходят замуж за иноверцев. Но чаще всего такая женщина бывает отвергнута семьей и обществом.

Многие женщины соглашаются на брак с женатым мужчиной, боясь одиночества. Некоторые женщины даже раздела имущества после развода не просят, довольствуясь тем, что у них есть ребенок, рожденный в официальном браке.

Местное общество пытается расширить области применения шариата (и адата) как дополнительных правовых систем, признавая их не в качестве альтернативы российскому государству, а в качестве дополнения. Вместе с тем полноценное признание в ингушском обществе российского права не означает отказа от традиций и национальной идентичности. И как в любом другом обществе, ингушское общество стремится сохранить неформальные институты, которые должны восполнять правовой вакуум [Евлоев]. Это происходит потому, что в го-

сударстве нет правовой базы, закрепляющей права женщин в полигамном браке.

Источники

Акты Кавказской археографической комиссии

АКАК 1878: Т. VII. Тифлис, 1878. Документ № 305: Отношение Паскевича к Чернышеву о работе учрежденного в 1830 году во Владикавказе окружного суда для Куртатинского, Тагаурского, Джераховского, Кистинского и Галгаевского обществ.

АКАК 1881: Т. VIII. Тифлис, 1881. Документ № 612: Отношение барона Розена к графу Чернышеву от 12 ноября.

АКАК 1904: Т. XII. Тифлис, 1904. Отчет генерал-фельдмаршала А. И. Бяргинского за 1857—1859 гг.

Российский государственный исторический архив

РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 311б: Дела о просьбе Назрановского и части Карабулакского общества об оставлении за ними занимаемых ими земель, 1842—1845 гг.

РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 912: Дело о прощении и возвращении на родину жителей Закавказского края разных племен, определенных в арестантские роты и отданных в солдаты.

РГИА, ф. 1268, оп. 15, д. 143: Дело об образовании в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей, горских словесных судов и об усилении личного состава уездных полицейских управлений.

РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 39: Дело о выселении в Восточную Сибирь ингушей Назрановского округа Терской области за оказание поддержки отряду Зелим-Хана, совершавшему вооруженные нападения на русское население и войска.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 381: Копия условий генерал-адъютанта Граббе кавказскому министру от 16 сентября 1839 г. № 587.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания

ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 849: Дело об образовании в Терской области Назрановского округа.

ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 24, л. 6—6 об.: Дело Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. О разных предметах и о вызове судей на заседания. 1910—1911 гг.

ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12—15: Дело Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. Сбор комиссии для проверки деятельности Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. 1909 г.

ЦГА РСО-А, ф. 117, оп. 1, д. 6, л. 11: Дело Осетино-ингушского смешанного суда. О выдаче жалованья осетинским судьям и о штрафовании лиц, не явившихся в суд. 1909 г.

Литература

Акимов 1888: *Акимов В. Н.* Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии. М., 1888. С. 145.

Албаков 2004: *Албаков Д. Х.* О применении Шариата в Республике Ингушетии // Ислам и право в России. Вып. 2. М., 2004. С. 82.

Албогачиева 2007: *Албогачиева М. С.-Г.* Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 102.

Албогачиева 2011а: *Албогачиева М. С.-Г.* Конференция мусульман Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14.

Албогачиева 2011б: *Албогачиева М. С.-Г.* Конференция мусульман Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 482. Online.

Албогачиева, Бабич 2009: *Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л.* Ислам и право в современной Ингушетии // Религия и право. 2009. № 4. С. 36—45.

Александров 1905: *Александров А. А.* Месть // ТВ. 1905. № 272—274.

Арапханов 2004: *Арапханов У. А.* Право и ислам в Ингушетии // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004. С. 79.

Арсанукаева 2010: *Арсанукаева М. С.* Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX—начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

Ахриев 1871: *Ахриев Ч.* Присяга у ингушей // ТВ. 1871. № 20.

Ахриев 1871: *Ахриев Ч.* Нравственное значение присяги у ингушей // ТВ. 1871. № 21.

Ахриев 1875: *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ Т., 1875. Т. VIII. С. 4.

Ахриев 2003: *Ахриев Ч.* Этнографический очерк ингушского народа // Об Ингушетии и ингушах. ТВ. 1868—1878 / Сост. М. С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб., 2003. С. 83.

Бларамберг 1992: *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992. С. 216.

Бабич 1999: *Бабич И. Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е гг.). М., 1999.

Бобровников 2003: *Бобровников В.* Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 5.

Боков 1998: *Боков А.* Тарко-хаджи Гарданов // Грозненский рабочий. 1998. 5 ноября.

Бутаев 1923: *Бутаев К.* Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. Кн. 2. М., 1923. С. 30.

Бутков 2001: *Бутков П. Г.* Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 12. См. также: ЦГВИА, кол. 482, д. 192, л. 150—153.

Великая, Виноградов и др. 1990: *Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И., Чахкиев Д. Ю.* Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990. С. 61.

Вл. К-нь. 1900: *Вл. К-нь.* Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 95.

Галгай 1924: *Галгай.* О галгаях // Кавказский горец. Прага, 1924. С. 49.

Гарданов 1960: *Гарданов В. К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений // Советская этнография. 1960. № 5. С. 22.

Гишинский 2007: *Гишинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 526.

Гильденштедт 2002: *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб., 2002. С. 240.

Горские суды 1913: Горские суды и Северо-Кавказский муфтият // ТВ. 1913. № 37.

ГСС 1901: ГСС // ТВ. 1901. № 67.

Грабовский 1876: *Грабовский Н. Ф.* Ингуши: их жизнь и обычаи // ССКГ. Тифлис, 1876. № 9. С. 21.

Далгат 2004: *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 104.

Далгат 2008: *Далгат Б. К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследования и материалы 1892—1894 гг. М., 2008. С. 108.

Дзарахова 2009: *Дзарахова З. М.-Т.* Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов-на-Дону, 2009. С. 69.

Дмитриев 2003: *Дмитриев В. А.* Адамы и шариат у кавказских горцев // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 113.

Джемаль 2009: *Джемаль О.* Неделя мира в Ингушетии // Живой журнал пользователя orkhan. 02.03.2009. <http://orkhan.livejournal.com>

Жупикова 2007: *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 годах // Академия исторических наук: Сб. трудов. Т. 1. М.: Академия исторических наук, 2007. С. 421.

З-бов 1879: *З-бов М.* О калыме // ТВ. 1879. № 19.

Зязиков 2004: *Зязиков М. М.* Традиционная культура ингушей. История и современность. М., 2004.

Зязиков 2011: *Зязиков М. М.* На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX—начале XX века. М., 2011.

Зюков 2009: *Зюков А. М.* Кровавая месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика / А. М. Зюков. Владимир: ИП Журавлева, 2009. С. 160.

Иванов 2012: *Иванов А.* Кража невест и государственные институты // <http://pravaya.ru/comments/19980> Дата обращения 18.01.2012.

Иванов 1904: *Иванов М. А.* В горах между рр. Фортангой и Аргуном // ИКОРГО. Т. XVII, вып. 1. 1904. С. 49.

Иванюков, Ковалевский 1886: *Иванюков И. И., Ковалевский М. М.* У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Кн. 1—2. С. 567.

Ингушская беднота 1920: Ингушская беднота. 1920. 17 июля.

Ингушские народные приговоры 1907: Ингушские народные приговоры // ТВ. 1907. № 97. С. 3.

История народов Северного Кавказа 1988: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 282.

Кардави 2004: *Кардави Ш. Ю.* Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004. С. 305.

Карнозова 2011: *Карнозова Л.* На пути к новой парадигме уголовной юстиции // Индекс/Досье на цензуру. 2003. № 18 (цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.index.org.ru/journal/18/18-karnoz.html> Дата обращения 17.01.2011.

Керимов 2007: *Керимов Г. М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2007. С. 130.

Кобахидзе 2003: *Кобахидзе Е. И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII—конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003. С. 229.

Кодзоев 2006: *Кодзоев Н. Д.* История развития судебной системы Ингушетии. М., 2006. С. 97.

Ковлер: *Ковлер А. И.* Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // <http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer>

Кодзоев 2006: *Кодзоев Н. Д.* Судебная система Ингушетии в 1917—1944 гг. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2006. Вып. 4. С. 88.

Кокурхаев 1989: *Кокурхаев К.-С. А.-К.* Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 47—48.

Косвен 1925: *Косвен М. О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925.

Кудусова-Далакова 2005: *Кудусова-Далакова Ф. И.* Семья и семейный быт ингушей (конец XIX—начало XX в.). Ростов н./Д., 2005. С. 148.

Лебедева 2005: *Лебедева А.* Кровная месть // Южный репортер. 2005. 31 октября.

Левинсон: *Левинсон Л.* А потерпевшим быть обязан. Цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.index.org.ru/journal/cont18.html>

Леонтович 1883: *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 161.

Леонтьева: *Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // <http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html> (Открытая газета. 2010. № 3 (393) от 27 января—3 февраля).

Лисицына 2003: *Лисицына Г. Г.* Обзор основных источников по истории Российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 135.

Малинин 1890: *Малинин Л. В.* О свадебных платежах и о приданом // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 30, 47, 53.

Мансуров 1894: *Мансуров Н. С.* Обычный суд у осетин: историко-юридический очерк // Каспий. 1894. № 58.

Мартиросиан 1933: *Мартиросиан Г. К.* История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 102—104.

Меликишвили 2003: *Меликишвили Л.* Открытые и закрытые типы культур этнических систем // Адат. Традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003. С. 19.

Мисроков 2002: *Мисроков З. Х.* Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 256.

Мугуев 1931: *Мугуев Х.* Ингушетия: Очерки. М., 1931. С. 37.

Мужехоева 1982: *Мужехоева Э. Д.* Организация управления Чечено-Ингушетии в 40—60-е гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII—начало XX в.). Грозный, 1982. С. 74.

Музаев 2007: *Музаев Т.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917—март 1918 г. М., 2007. С. 435.

Мухаммад Кок-Коз 2005: *Мухаммад Кок-Коз.* Нормы расторжения брака // Любовь и секс в Исламе: Сб. ст. и фетв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 250.

Насущные вопросы 2005: Насущные вопросы // Любовь и секс в Исламе: Сб. ст. и фетв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 288.

О горских словесных судах 1882: О горских словесных судах // Терек. 1882. № 22—23.

Озиев 1996: *Озиев С.* Куркиев Магомед Кутиевич // Ингушетия. 1996. № 24.

Очерки истории 1967: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I. С. 284.

Патиев 2007: *Патиев Я.* Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007. С. 307.

Першиц, Смирнова 1998: *Першиц А. И., Смирнова Я. С.* Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1.

Похищение невесты 1891: Похищение невесты у горцев Терской области // ТВ. 1891. № 51.

Путешествие 1814: Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота. Т. 2. Галле-Берлин, 1814.

Путин 2012: *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Развод 2012: Развод в исламе // <http://razvod4you.narod.ru/islam.html> Дата обращения 12.01.2012.

Рейнке 1912: *Рейнке Н. М.* Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 6.

Рулан 2000: *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: Изд-во «Норма», 2000. С. 301.

Саидов 1964: *Саидов И. М.* Этнографические заметки. Мехк кхел // ИЧНИИЯЛ. Т. V, вып. 1. Грозный, 1964. С. 124—125.

Светова 2008: *Светова З.* Кто, почему и как мстит сегодня в России? 2008. 03.10. // Цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html> Дата обращения 01.10.2011.

Северный Кавказ 2007: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 200.

Смирнова 1983: *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983. С. 125.

Сталин 1947: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 401—402.

Статистический 2004: Статистический бюллетень № 5. Магас, 2004. С. 68.

Султыгов 2007: *Султыгов А.-Х.* Февральская революция и горцы // Агентство национальных новостей. 26.03.2007.

Султыгов 2004: *Султыгов К. Х.* О положении мусульман в Ингушетии // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004. С. 81.

ТВ 1891: ТВ. 1891. № 31.

ТВ 1909: ТВ. 1909. № 207

Тусиков 1926: *Тусиков М. Л.* Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926. С. 55.

Уголовный кодекс Российской Федерации.

Устав Муфтията Ингушетии 2004: Устав Муфтията Республики Ингушетии. 2004.

Фадеичева 2004: *Фадеичева М. А.* Этническая политика Российской империи XIX в. «Положение об инородцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, 2003. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 369—382.

Харсиев 2009: *Харсиев Б. М.-Г.* Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Назрань, 2009. С. 100.

Харузин 1888: *Харузин Н. Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии. М., 1888. С. 128.

Цалиев 2003: *Цалиев А. М.* Судебная власть в республиках Северного Кавказа (1917—2003 гг.). М., 2003. С. 19.

Цечоев 2010: *Цечоев Б.* Повышение «тарифа» за убийство как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя *beslan_ceiloev*. 24.11.2010 <http://beslan-ceiloev.livejournal.com/>

Цуциев 2006: *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М., 2006. С. 24.

Чахкиев 2000: *Чахкиев Б.* Жизнь, отданная делу революции // Возвращение к истокам: История Ингушетии в лицах и фактах / Сост. С. А. Хамчиев. Саратов, 2000. С. 273.

Шамилев 1963: *Шамилев А. И.* Религиозные культы чеченцев и ингушей. Грозный, 1963. С. 26.

Шегрен 1846: *Шегрен А. М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

Яблонский 1912: *Яблонский А.* Родные картинки. М., 1912. С. 354.

Яковлев 1925: *Яковлев Н. Ф.* Ингуши. М., 1925. С. 134.

Shteder 1796: *Shteder L. L.* Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenz Festung Mozdok nach dem innern Caucasus unternommen wurde. — Neue Nordische Beitrage. St.-Petersburg und Leipzig, 1796. P. 247.

Verdier 1980: *Verdier R. Le systeme vmdicatoire // La Vengeance. Paris, 1980.*
V. I. P. 224.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА 2009—2011: Полевые материалы автора. 2009—2011.